

№ 28 ГОСТИНЬИЙ
ДВОР

*Россия - Оренбург - Казахстан
Проза, поэзия, публицистика*

Оренбург.
Культурный комплекс
«Национальная
деревня».
Казашское подворье

«Гостиный Двор» № 28, 2009

Альманах

Авторский проект И.А. Бехтерева

Учредители:

Министерство информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области, Оренбургская областная общественная писательская организация Союза писателей России

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный совет:

В.А. Бахревский (Подмосковье)	П.Г. Рыков
С.Г. Горшенин	Л.П. Сковородко
В.М. Капустина	Т.В. Судоргина
П.Н. Краснов	А.А. Тепляшин (Новотроицк)
Г.П. Матвиевская	А.А. Чибилёв
В.В. Ренёв	Н.М. Щербанов (Уральск)

Исполнительный директор — Ю.Н. Мещанинов

Адрес редакции: 460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4
Государственное унитарное предприятие «Редакция газеты «Оренбуржье»
Телефоны: (3532) 74-43-39, 8-903-394-32-60
E-MAIL: gazorb@mail.ru

На первой и последней страницах обложки — фото В.Б. Соколова

Художник — Ю.Е. Курдакова

Компьютерный дизайн — Л.В. Гмырина, А.А. Воловод

Компьютерный набор — Е.Н. Цыганчук, Н.С. Битюкова

Корректоры — Ф.Н. Кусикова, Л.И. Беляева

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация автора, а также сообщаемые им сведения

Сдано в набор 15.06.2009

Подписано в печать 24.08.2009

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.

Тираж 1 500 экз.

Заказ № 1719

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС7-4641 от 16 ноября 2007 года в Поволжском управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, г. Самара

Отпечатано в ООО «УралПечатьСервис»
462353, г. Новотроицк, ул. Горького, 14

ISBN

© Альманах «Гостиный Двор», 2009

Адам – бір боқ көтерген боқтың қабы,
Боқтан сасық боласың өлсең тағы.
Мені мен сен тең бе деп мақтанасың.
Білімсіздік белгісі – ол баяғы.

Кеше бала ең, келдің ғой талай жасқа,
Көз жетті бір қалыпта тұрғ алмасқа.
Адамды сүй, алланың хикметін сез,
Не қызық бар өмірде онан басқа?!

Абай

1899 г.

Человек — ничтожной плоти тлен и прах,
Смерть для каждого равна в своих правах.
И кичиться перед кем-то превосходством —
Знак надменного блуждания впотьмах.

Не вчера ли ты ребёнком был, старик?
Всё течёт, и жизнь уносит каждый миг.
Возлюби же в бренном мире волю Бога,
Это — высшее, что в мире ты постиг.

(перевод с казахского Е. Курдакова)

ГОСТИНЫЙ ДВОР

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- 11 **Пётр Краснов.** Заполье. Роман. Продолжение
179 **Павел Рыков.** Ночные слова. Стихи
185 **Георгий Саталкин.** Поздней осенью. Рассказ
195 **Александр Цирлинсон.** Живёт любовь! Стихи
199 **СТИХИ ПО КРУГУ (Новотроицк):** Екатерина Балакина, Елена Фошина, Павел Фельдман, Вадим Халитов, Михаил Бороздин
205 **Оксана Васильева.** Расту, душа. Стихи
210 **Евгения Лунина.** Я заклеила сердце в конверт... Стихи
256 **Сергей Фролов.** Свет жизни. Рассказы
344 **Александр Гвозденко.** Цыганка. Рассказ

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

- 6 **Григорий Ивлиев.** Российская культура как фактор стабильности (выступление на XIII съезде Союза писателей России)
78 **Валентина Рузавина.** Укрепиться духом и выстоять. Размышления по поводу экономического кризиса

РОССИЯ – ОРЕНБУРГ – КАЗАХСТАН

- 86 **Абай (Ибрагим Кунанбаев).** Прожитое, не сном ли оказалось... Стихи. Перевод с казахского Е. Курдакова. Предисловие Ю.Е. Курдаковой
93 **Тамара Шабаренина.** За мгновение до вечности. Стихи
96 **Татьяна Савинова.** Для обозрения степей и отыскания рудников... Военные экспедиции 1820-1826 годов на территории Оренбургского края. Исследовательская работа
113 **Галина Матвиевская.** Путешествие необыкновенное... А.И. Лёвшин и киргиз-кайсаки
122 **Екатерина Попова.** Курпе – душа казаха. Этнографическая зарисовка

НАША ГОСТИНАЯ

- 128 **Алла Фёдорова.** Казахи Оренбуржья. История в лицах
136 **Алла Прокофьева.** «Казахские повести» В.И. Даля
142 **Инна Зубова.** «Бикей и Мауляна» – «степные» Ромео и Джульетта
148 **Энгельс Габбасов.** Я с тобой! Прости меня... Повесть. Послесловие Н.М. Щербанова

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

- 214 **Алексей Позин.** Откат в шоколаде. Водевиль в прозе
242 **Татьяна Белозёрова.** Вечная весна Вёшенской. Воспоминания о поездке
247 **Екатерина Шарапова.** Целинные дороги театра кукол
266 **Геннадий Красников.** Сокровенные люди Сергея Фролова
359 **Альбина Кальвина.** «Большая Волга» в Москве. Репортаж с выставки

НАСЛЕДИЕ

- 278 **Владимир Рожков.** Я на смертный свой час приготовил одежды... Стихи. Публикация А. Никуленкова

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

- 285 **Александр Исковский.** Даша Кронштадтская. Побег из Оренбурга. Краеведческий детектив

ФИЛОСОФСКИЙ ПРАКТИКУМ

- 282 **Пётр Правдин.** Живите, мыслите и дерзайте. Отклик на аналитический очерк Е. Новиковой

КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ

- 308 **Владимир Семёнов.** Возвращение святой реликвии. К 95-летию со дня начала 1-й мировой войны

ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА

- 318 **Алексей Иванов-Огарыш.** Приказано любить. Из дневника церковностроителя

ГОСТИНЫЙ ДВОРИК

- 356 **Валентина Телегина.** Грачиная ссора. Стихи для детей

АБАЙ

**ПРОЖИТОЕ,
НЕ СНОМ ЛИ
ОКАЗАЛОСЬ...**

Абай Кунанбаев – настоящее имя Ибрагим – (1845-1904), великий казахский поэт, мыслитель и просветитель; основоположник и классик казахской литературы, родоначальник казахского литературного языка, переводчик произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, зарубежных классиков.

Родился 29 июля (10 августа) 1845 года в Чингизских горах (ныне село Караул Абайского района Семипалатинской области) в кочевьях рода тобыкты в семье старшего султана Каркаралинского окружного приказа Кунанбая Ускенбаева. Получил хорошее гуманитарное образование. Учился в медресе имама Ахмет-Ризы в Семипалатинске, где преподавали арабский, персидский и другие восточные языки, в русской приходской школе, нарушив этим запрет медресе. Детское прозвище Абай, что означает «осмотрительный, вдумчивый», получил от матери, сделав его впоследствии своим литературным псевдонимом.

При жизни лишь несколько стихов Абая увидели свет на страницах газет. В 1909 году в Петербурге вышел сборник его произведений под названием «Стихи казахского поэта Ибрагима Кунанбаева» тиражом в одну тысячу экземпляров.

С 1930 года произведения Абая активно печатались на русском и казахском языках, переведены на 60 языков мира.

Накануне сентябрьского Российско-Казахстанского форума, который пройдет в этом году в Оренбурге, предлагаем читателям «Гостиного Двора» подборку стихотворений великого казахского поэта Абая Кунанбаева в переводах Евгения Курдакова.

К поэзии Абая Евгений Васильевич обратился в середине 80-х годов. Одновременно Курдаков работал и над «Балладой перевода». Позднее известный российский критик В. Кожин писал: «Одно из наиболее сильных произведений Евгения Курдакова – «Баллада перевода», где сознание лирического героя сливается в одно с творческим духом переводимого на русский язык великого казахского поэта Абая Кунанбаева)…»

В настоящее время Евгений Васильевич Курдаков считается одним из лучших переводчиков Абая. Его переводы вошли в многочисленные сборники, хрестоматии и антологии.

Вот как пишет переводчик о переводимом поэте: «Абай – первопроходец абсолютный, таких очень немного в истории человеческих свершений. Он начинал национальную литературу в то время, когда она могла быть востребована лишь сотней-другой грамотных людей, а понятия едва ли не единицами. Не существовало тогда и понятия литературы. Разница между народным певцом, сказителем, жирау, акыном, бахсы, масанчи и пр. и между поэтом-литератором колоссальна. Если сказитель-певец питался и поддерживался всей массой языка, традиций, фольклора,

всенародного понимания, то поэт-литератор становился уже самим своим непривычным статусом непонятным, неудобным, самозвановызывающим, – только уже этим заведомо обречённым.

Вся литературная судьба Абая, и жизнь, и поэзия – это, прежде всего, самоутверждающая непрерывная борьба за статус, борьба, в которой он был внешне побеждён.

Этот путь всенакопляющегося отчаяния отчётливо просматривается по его стихам».

Юлия Курдакова
Усть-Каменогорск
(Казахстан)

БАЛЛАДА ПЕРЕВОДА

«Прожитое не сном ли
оказалось...»

Абай, 1901 г.

1.
Перевожу поэта... Полыхая,
Горит зима пылающим костром,
И даль, переметённая до края,
Сгорая, истекает за окном.

Снег падает. Ещё беззвучны строки,
Безжизненно чужое далеко,
В том горнем вековом своём потоке,
Как этот снег, слетающий легко.

Но там, среди немого опаданья,
В холодном истекании снегов
Уж зародилось слабое дыханье
И шелест нарастающих стихов.

Чтоб позже всё из той же снежной
сечи,
Крепчая, накаляясь и звеня,
Силлабикой густой и крепкой речи
Возникнуть враз и хлынуть
на меня, —

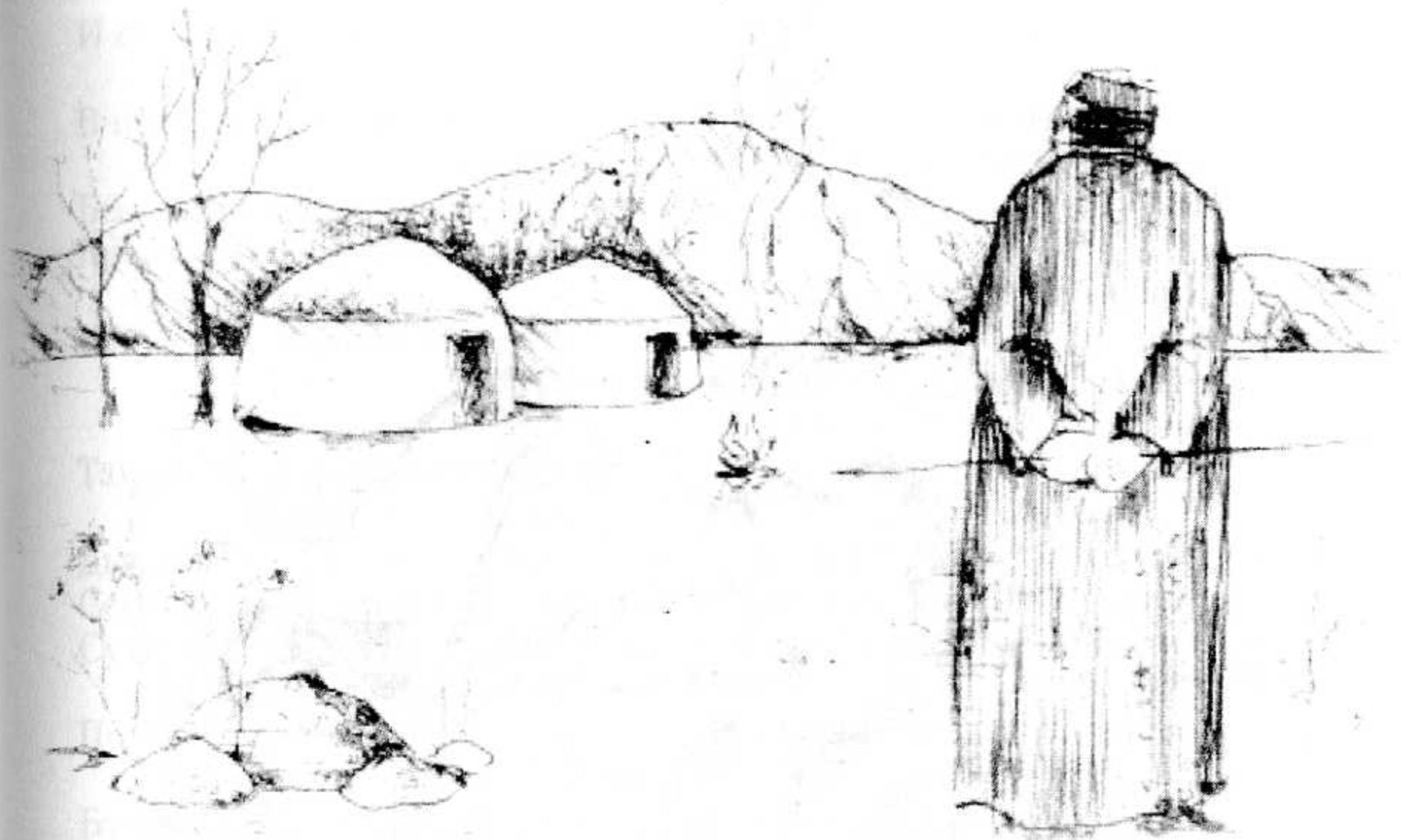
Чтоб в гуле породнённого звучанья,
Не противостоя, не снисходя,
Переводить дыханье на дыханье,
Как жить, дыханья не переводя.

2.
Я растворён... Я где-то без возврата,
Без облика ещё и без лица,
И вся моя награда и расплата —
Всё тот же снег и ветер без конца.

Всё тот же ледяной полынный
шорох,
Всё тот же круг родных
и не родных...
Я опоздал, я начинаю в сорок,
С предела, рокового для иных.

Прошла любовь, надежды
отгорели,
И жизни бестолковая байга
Оставила, как эти вот метели,
В душе лишь беспросветные снега.

Дымят кочевья, кони снег копытят,
И бродят псы за ветреным холмом.
И мир уже почти не любопытен,
Он противоречив в себе самом.

Мне пятьдесят... Переболела ярость,
И уповать на вечность нет нужды.
Прожита жизнь, и подступает
старость,
И силы нет для дружбы и вражды.

Я трогаю струну, но то не лира,
И снежный ветер глушит
песнь мою.
В пустынном, азиатском сердце
мира
Воистину пустыне вопию.

И всё, что было прежде, гнев
и радость,
Всё, что пронёс и что в себе несу, —
Не тем ли горьким снегом
разгоралось,
Дымило и мерцало на весу?

Томилось нищетой и болью
близких,
Захлёбывалось горечью утрат...

Кочует род вдоль низких гор
Чингизских,
Как год назад, как пять, как жизнь
назад...

И умер сын... Снег чёрный,
как несчастье,
Метёт сквозь жизнь, — и изменяет
брат...

И сердце холодеет в безучастье
Ко всем, кто был и не был виноват.

И выкрикнуть бы этой вьюжной
дали
В глухой, всё принимающий
провал:
Стихи мои, зачем вы прозвучали?
Стихи мои, зачем я вас создал?..

3.
Перевожу поэта... Догорает
Зима ли, жизнь, — моя ли, не моя,
И светлым снегом небо истекает,

* * *

Этих воплей шум пустой
Трудно песнями назвать.
Трудно страждущей душой
Здесь опору отыскать.
Споры неучей, галдёж,
Поучения невежд...
Поневоле пропадёшь
В этой жизни без надежд.
(1897 г.)

* * *

Вот мотыльков беспечный рой,
Струясь, летит сквозь летний зной
В мгновенной радости скупой
Над обречённую травой.

А человек, он что ж, иной?
И он не властен над судьбой,
Спешит, хлопочет, лишь порой
Пытаясь путь осмыслить свой.

А время мутною рекой
Всех топит в бездне вековой,
И тех особо, кто порой
Перечит времени, слепой.
(1902 г.)

Публикация и рисунки Ю.Е. Курдаковой

Тамара Михайловна Шабаренина (Корзон) родилась в Чусовском районе Пермской области. После смерти матери воспитывалась в семье старшей сестры. Работала в совхозе, на заводе, художником-оформителем, коком на теплоходе, журналистом, семнадцать лет заведовала Домом культуры Уральского мясоконсервного завода. Поэтесса, прозаик, член Союза писателей России. Живёт в Уральске (Казахстан).

Тамара ШАБАРЕНИНА

ЗА МГНОВЕНИЕ ДО ВЕЧНОСТИ

КАЗАЧИЙ НЕСТОР

По синим кружевам –
Небесная мережка.
А ссыльным журавлям –
Известная дорожка.
Двуглавые орлы –
И тех спихнули в птички.
И те «курлы-курлы»
В надзорной перекличке.
Лиху беду поправ
И возродясь снова,
Нет худа без добра:
Сначала было слово!
Фонемы тень и свет.
То бубен, то сурдинка...
«Вонетый» диалект
С глубин, не из глубинки!
Но выстроит кустарь
По букве перевода
На высылках Словарь
Загубленного рода.
Где был казачий пост –
Трава стоит кордоном.
А речь – спаси Христос –
Цветиста и свободна!
Фарватер, словаверфь
Под полозом картона,
Славяно-тюркский нерв

Татьяна САВИНОВА

ДЛЯ ОБОЗРЕНИЯ СТЕПЕЙ И ОТЫСКАНИЯ РУДНИКОВ...

*Военные экспедиции
1820-1826 гг. на территории
Оренбургского края и их научно-
картографическая
деятельность*

*Татьяна Николаевна
Савинова родилась
в Оренбурге. Окончила
Оренбургский педагогический
институт (историко-
филологический факультет)
и Самарский институт
культуры.
Долгое время работала
в областной научной
библиотеке
имени Н.К. Крупской.
Ныне – заведующая
библиотекой
Института степи
Российской академии наук.*

Обширный регион, охватывавший Оренбургский край – границы которого доходили на севере до р. Камы, на востоке – р. Тобола, юге – Каспийского моря, западе – р. Волги и включали территорию Южного Урала, Приуралья и части Казахстана, к началу XIX века оставался всё ещё мало изученным. Все экспедиции, отправлявшиеся из Оренбурга, независимо от своей главной цели, занимались в большей или меньшей мере сбором научных и статистических сведений и составлением карт.

В 1820-е годы их было организовано несколько: военно-топографических, дипломатических, военно-учёных, и все они пользовались картами и сведениями, составленными предыдущими экспедициями, дополняя и исправляя их.

В 1820-1821 гг. из Оренбурга в Бухару для расширения торговых связей с Бухарским ханством отправилось русское посольство А. Нетри. В экспедиции принимали участие офицеры Генерального штаба Г.К. Мейендорф, В. Д. Вольховский, А. К. Тимофеев, натуралист Х. Пандер, доктор философии и медицины, а также учёный и путешественник Э.А. Эверсман. Путь экспедиции общей протяжённостью более 3000 вёрст проходил от Оренбурга через Сыр-дарью до Бухары и обратно. В результате была составлена карта в масштабе 50 вёрст в дюйме, на которой получили отражение новые обширные сведения экспедиции. По пути было определено астрономически географическое положение 5 пунктов – первых на территории Средней Азии (в том числе были определены координаты г. Бухары). На карте нанесён рельеф Междуречья, особо отмечены саксауловые леса, указано русло древней реки

Яны-Дарьи, были показаны озёра с пресной и солёной водой, колодцы, источники, ручьи, развалины. Карта вместе с описанием путешествия была опубликована Мейендорфом в Париже в 1826 г.

В эти же годы были составлены следующие документы: «Маршрутная съёмка Мейендорфа, Вольховского и Тимофеева от гор. Оренбурга до Бухары и обратно в крепость Орскую», «Маршрут Артюхина и Тафаева от крепости Орской на озеро Карасак-Баш, к Свинцовым горам, обратно на вершину Тобола».

Военно-топографическая экспедиция 1823 года была отправлена в киргизскую степь как единственное средство для «приведения Меньшей орды в спокойствие и порядок».

По проекту три отряда, один из которых состоял из двух команд,

«Русские казаки в походе».
Рис. Гесс Карл-Эрнста

должны были выйти соответственно из Орской крепости, Илецкого городка и Сарайчиковской крепости (на Нижне-Яицкой линии) и встретиться в Илецкой Защите. Маршруты были проложены по караванным дорогам. Экспедицию возглавлял Фёдор Фёдорович (Фридрих Вильгельм Ремберт) Берг (1793–1874). В Закаспийский край он был командирован для собрания более подробных и точных сведений об этой обширной местности и для «содействия упорядочению тамошних дел».

Предполагалось, что поход продлится 30 дней, но рекомендовалось расходовать «провиант с осмотрительностью и сбережением» из-за могущих возникнуть в пути «препятствий и затруднений».

Помимо карательных мер отряду поручался сбор топографических

Ф.Ф. Берг

В.Д. Вольховский,
1810-е годы

и статистических сведений «о всей стране, которые войска наши проходить будут». По распоряжению оренбургского генерал-губернатора П. К. Эссена экспедиции были приданы «свиты Его Величества по квартирмейстерской части капитан Тимофеев и прапорщик Балкашин, инженер-поручики Артюхов и Тафаев и артиллерийского гарнизона прапорщик Карелин». «Двух инженерных офицеров, — писал 10 мая 1823 года в инструкции Бергу Эссен, — Вы удержите при себе, а прочие отряжены мною к съёмке мест, где проходить будет Уральский отряд по особым инструкциям, коими не оставьте снабдить их о предстоящих им занятиях, распределив так, чтобы по пути произвели съёмку рек: Тимофеев — Темира, Карелин — Терескана, а Балкашин — Эмбы.

Инструкцию содержать в тайне».

Все они были опытными картографами. Так, в 1814 году было составлено «Обозрение, проведённое Генсом и Тафаевым по маршруту от Троицка к Свинцовым горам и обратно в крепости Звериноголовскую и Усть-Уйскую», работы 1820-21 годов упоминались выше. Г.С. Карелин же, в 1822 г. высланный в Оренбург за эпиграмму на графа А.А. Аракчеева, к этому времени тоже занимался топографическими съёмками мест, намеченных для военных поселений, надзирал за вырубкой леса на них и осушением болот, обрабатывал результаты съёмок, чертил планы и карты в штабе военных поселений, возглавлявшемся А. А. Аракчеевым.

Отряды выступили 22 мая из Калмыковской и Сорочиковской крепостей под командованием Циол-

Г.С. Карелин

ковского, 23 мая 1823 года из Орской крепости — Берга и из Илецкого городка — Милорадовича. О том, в каких условиях создавались карты, можно судить по «Дневникам», которые велись во время похода. Например, «Дневной журнал военного отряда под руководством полковника Берга» сообщает, что 31 мая в 5 часов утра Берг откомандировал полковника Щеглова и инженер-поручика Артюхова с тремя сотнями 2-го тептярского полка и сотней оренбургских казаков «при достаточном числе пехоты», часть башкирцев, обозе и при одном конно-артиллерийском орудии по реке; первого — для воспрепятствования киргизам перекочевывать из-за Илека по реке Ори и последнего для снятия там мест, по которым будет следовать. В 6 часов отряд выступил и прошёл 31 версту 40 саженьей. Расположился лагерем при реке Ори. При приближении отряда кочующие в этих местах казахи, оставив всё своё имущество, бежали, но посланная Бергом команда возвратила их назад. «Я уговорил их не бояться нас», — писал Берг в «Дневном журнале военного отряда». 3 июня отряд отдыхал «при вершине» речки Ащебутак. В это время К. М. Тафаевым были проведены астрономические наблюдения для определения широты с помощью секстанта «работы Адамса в Лондоне», но «по причине высокого стояния солнца секстант оказался недостаточным» [подчёркнуто в документе]. 5 июня отряд вышел на берег Эмбы в том

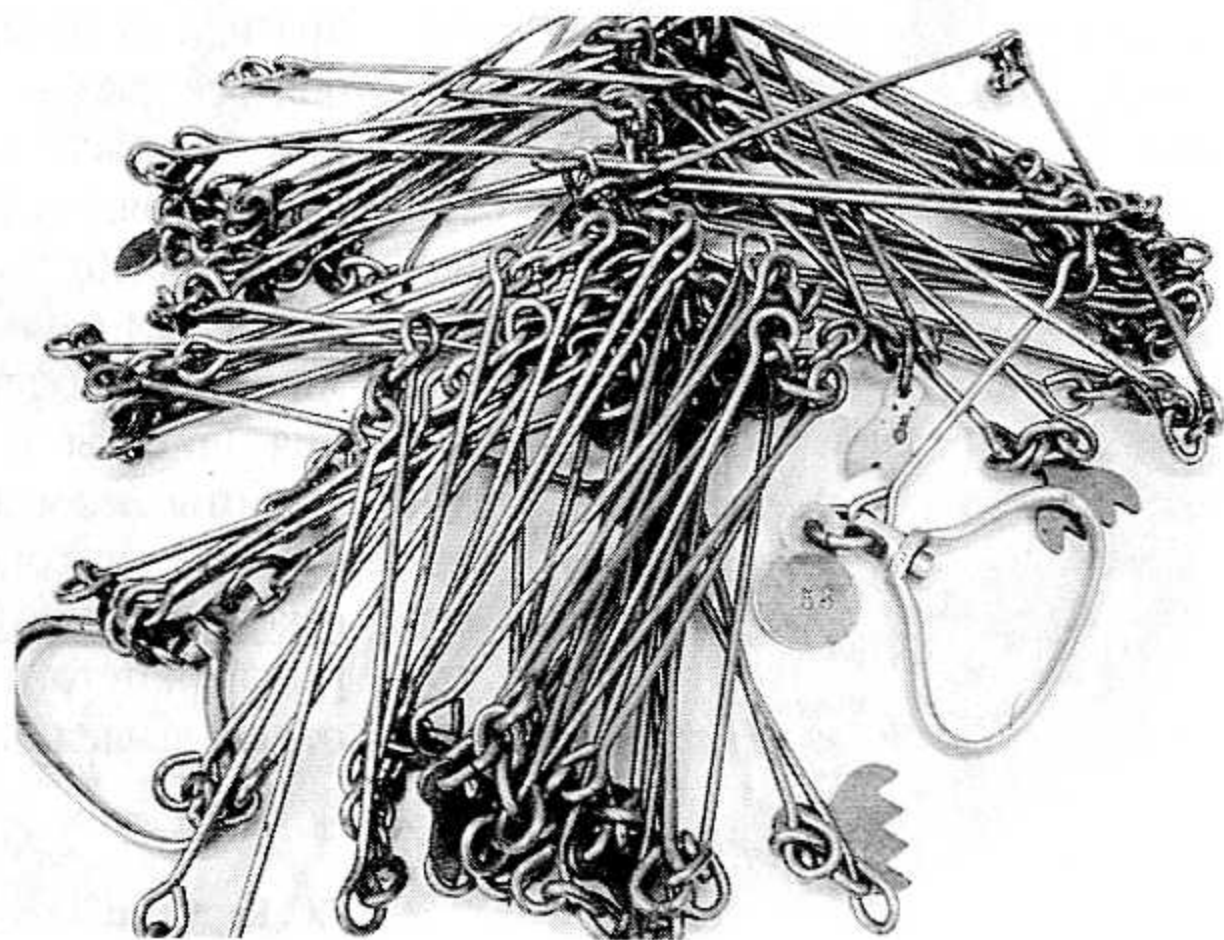
месте, где в 1820 году переправлялась миссия в Бухару и где предстояло соединиться с отрядом Циолковского. «Подножного корма почти не было из-за жары», — фиксировал «Дневник». К тому же постоянно увеличивалось количество больных, как считал лекарь, от утоления жажды «нездоровой водой». За движением отряда постоянно наблюдали казахи, но нападать опасались.

«Уральский» отряд возглавил Станислав Фомич Циолковский (1788-1842). И. М. Захарьин писал о нём: «Поляк по происхождению, был человек злой, мстительный и крайне жестокосердный; офицеры его ненавидели, солдаты боялись и тряслись при одном его приближении».

В инструкции, данной ему 10 мая 1823 года, предписывалось, чтобы А.К. Тимофееву дали команду из двух сотен казаков, с которыми он должен был отправиться вверх по Темиру, Г.С. Карелина присоединили к команде из 200 казаков, которые пойдут по Терескану, а Балкашина рекомендовалось «удержать при себе для съёмки пути от Калмыковой крепости до реки Эмбы и по всей реке до источников».

«Журнал отряда, состоявшего

из восьмисот уральских казаков и четырёх казачьих двухфунтовых орудий под командой состоящего по армии полковника Циолковского» начат 19 мая 1823 года. Именно в этот день командир отряда прибыл в Сорочиковскую крепость, осмотрел вверенные ему войска и, найдя их «исправными, послал для отыскания вожakov, учредил переправу, поручил командование над оными Уральского казачьего войска старшине Мизинову, снабдил оного всеми наставлениями соответственно данной мне инструкции, дал направления, назначил пункт соединения обоим отрядам <...> и приказал 22 числа выступить в Киргизскую степь. Сам 20 числа отправился назад в Калмыковскую крепость». 22 мая отряд под предводительством Циолковского переправился через Урал, через тридцать вёрст остановился на ночлег при урочище Кизильгор, где нашёл в степи 7 колодцев, «в коих воды весьма достаточно было для отряда, подножный корм по до-

Мерная цепь
10-саженная. Вторая
половина XIX века

лам был хорош». 23 мая, пройдя 52 версты, остановились на реке Уиле. «Вода была немного солоновата, корм из молодого по берегу камыша». 24 мая Циолковский сообщает, что пока не встретили ни одного казахского аула. И с этого дня у отряда начались проблемы с водой и подножным кормом для лошадей, а вскоре, по-видимому, и с питанием людей. «Пройдя 30 вёрст, — пишет в «Журнале» командир отряда, — остановились ночевать при урочище Мурзантай, тщетно отыскивая воды и подножного корма, не найдя ни сколько как первого, так и второго». 24 мая заметили казахов, которые перекочёвывали с одного места на другое, но, увидев войска, бросились бежать. Циолковский послал офицеров и 50 казаков, чтобы остановить их и привести к нему. «Посланный офицер скоро воротился, — продолжает записи полковник, — привёл с собой двух киргизов Адаевского рода, коих я обласкал, объявил им, что собственность их будет неприкосновенна, сделал подарки и послал вперёд», чтобы они успокоили своих соплеменников и уверили их в безопасности. Отряд прошёл ещё 52 версты, «вода горькая и солёная, совершенно без подножного корма, остановились при озере Куз. В полдень проходили через реку Янгельду, там нашёл воду несколько солёную», но её всё же можно было употребить для приготовления пищи. 26 мая дозорные заметили, что по 2-3 казаха постоянно наблюдают с гор за отрядом. Встретили на пути аул «со всем имуществом, но без людей», среди десяти кибиток находились стреноженные лошади,

привязанные и свободно бродящие бараны, «словом то, что не успели взять с собой». Обойдя аул, отправились дальше. «Вожаки сказали, что если отряд пойдёт в пески Тайсуган, то найдёт много киргизов и воду». Одной из частей отряда удалось найти колодцы. Напоив лошадей, казаки набрали воды для своих товарищей. Это была редкая удача, потому что 27 мая войска перешли «через солёную и горькую реку Сагиз, не могли употребить той воды. Остановились на ночлег без воды», из корма — только полынь, «которую киргизы называют эмиан». «28 мая. Без воды и корма лошади начали уставать, брошено сегодня три лошади. Но надежда найти на реке Эмбе хороший подножный корм तो ропила следовать без уныния».

На пути следования стали встречаться казахские аулы. Нашли «виновных», но многие «запираются, называя себя другими родами». Локально настроенных «подарили за доверенность их русским и внушили, сколь полезно для них быть мирными и упражняться скотоводством». Продолжив путь и пройдя 32 версты, остановились ночевать, опять «не имея ни воды, ни подножного корма».

На этой стоянке произошло событие, наверное, характерное для степи. На закате в лагерь пришёл казах и привёл барашка. Ему заплатили 4 рубля и отправили домой. Через полчаса он вернулся, приведя второго барашка. Получив аналогичное первое вознаграждение, он высказал господам офицерам неудовольствие, заявив, что должен за двух животных получить 20 рублей. Ему велели

забрать свой «товар», но он ответил, что пошутил, «подошёл, однако ж, к вожакам сказать, что, верно, русские очень голодны, когда по четыре рубля платят за маленького барашка. Получив в награду зеркало и табак — отправился восвояси». 29 мая отряд подошёл к нескольким аулам, но не увидел там никого, кроме «малых деточек, ползающих по оным», «имущество, верблюды, лошади и бараны были брошены». Старшина Бакулайского рода Табышевского отделения Хезбай Курмантаев предложил Циолковскому помощь — поехать вперёд и успокоить казахов. Но вскоре все с удивлением заметили, что казахи разбегаются. Посланный отряд из ста казаков поймал старшину, и тот сознался, что предупредил аулы, в которых были пленники, и посоветовал им уходить самим и увести с собой русских. Имя одного из пленников было известно, и казахам объявили, что если через четыре часа Фёдора Павлова не приведут в стан, то «старшина лишится жизни». Через два часа его привёз сам хозяин. Павлов рассказал, что в аулах было ещё четыре человека «российского подданства», а также выяснилось — уже 60 лет в плену живёт одна калмычка, но просит оставить её в ауле, так как за эти годы она привыкла к казахам.

На всём пути следования отряда по-прежнему не было ни подножного корма, ни водоёмов с пригодной для питья водой. Пили собиравшуюся дождевую воду, которую можно было употреблять только «невольным образом», да воду из так называемых копаней, вырытых ям, «несколько солоноватую, но люди и лошади могли без нужды оную пить». 30

мая «на дождевой воде, хотя и без подножного корма» подошли к подошве горы Иман-Каратау. 31 мая объявили, что ещё до ночи отряд дойдёт до Эмбы, «офицеры и казаки обрадовались, ибо лошади многие пришли уже в изнеможение». Казахи продолжали следить за передвижением отряда, несколько раз ночью пробовали подобраться к табунам, но «усмотрены были и выстрелами прогнаны».

«Несмотря на хорошую эмбенскую воду, — продолжается запись в «Журнале», — лошади день ото дня начали слабеть. Подножного корма не было».

Но удача все-таки не совсем отвернулась от участников похода. «13 июня, — писал Циолковский в рапорте Эссену, — во время следования моего по реке Эмбе встретил я аулы <Жуяукабыкского — ?> и Чикаинского отделений под начальством казы Мухаметжанова и Санасапа Сатыева, которые встретили отряд, угостили 25 баранами и кумысом, дали вожаков Майгара Баскакова и Букея Сатиева, которые до самого Илека довели мой отряд, равным образом и отряд Берга. Оные вожаки отправляются теперь в Оренбург. Всепокорнейше прошу Ваше высокопревосходительство приказать Пограничной комиссии сделать им приличное награждение».

14 июня Циолковский послал Бергу донесение о причинах неприбытия вовремя отряда в пункт следования, о неверности карт и дальнего расстояния, о «не командировании капитана Тимофеева и прапорщика Карелина для съёмки на карту рек Темира и Терескана по несущество-

ванию оных рек в натуре и на каком пункте находятся».

4 июля 1823 года в рапорте Циолковского указывается, что он долго не мог отправить сообщение, так как казахи нападали на гонцов, отнимали у них лошадей и платье. К тому же его отряд не смог соединиться с отрядом Берга, следовавшим по реке Эмбе, потому что «1) исчисление вёрст по карте вышло неверное и вместо 510 вёрст отряд прошёл 800; 2) 11 дней не было подножного корма и несколько — воды. Лошади изнемогли, вынужден был бросить 5 казённых лошадей, 3 собственных и 80 казачьих; 3) затруднение в отыскании положенных на карте больших рек Темира и Терескана. Едва успели соединиться вместо 10 июня, как предполагалось, 17». На пути следования в песках Таи-Суган, которые на карте названы озером, встретилось много аулов.

Видя приближение войск, казахи

бросали кибитки, скот, даже детей и женщин и убегали в степь. Приходилось высылать «вожаков» «с уверениями», что русское войско не идёт с намерением отнять их имущество и убить их самих, «но для обозрения степей и отыскания рудников различных металлов». Удалось побывать в некоторых аулах, «в которых, хотя и не находил виновных, успел получить сведения, данные в инструкции». Казахи постоянно следили, «как волки», за движением отряда. Когда отряд из 10 казаков отправился на поиски воды, на них напали 50 казахов.

11 июля было решено продолжить топографические работы. «С карты Средней Азии, данной от полковника Милорадовича, видны были большие горы под названием Бараньих, Дюковых и других. От-

«Бой казаков с киргизами».
Рис. неизвестного художника

«Казак с пикой».

Рис. неизвестного художника

ряд пришлось разделить на две половины — с первым пошёл сам близ реки Урала, а со вторым — войсковой старшина Мищанинов, дав ему для снятия мест господ офицеров инженер-поручика Артюхова и артиллерийского прапорщика Карелина, и приказал в 30-ти верстах от отряда пройти горами 60 вёрст, остановиться близ Урала при пикете, называемом Лысые горы, ночевать». 12 июля «отряд на пути не встретил ни аулов, ни гор, дошёл до мест, называемых Бараньи и Дюковы горы, Тимофеев и Балкашин занялись съёмкой оных». 13 июля вступили в Уральск.

С отрядом Милорадовича в степь отправились горные инженеры, о чём сообщает рапорт атамана Илецкой станицы Уральского казачьего вой-

ска полковника Донского, составленный 23 мая 1823 года, в котором говорится, что 22-го чиновники и казачий конвой благополучно переправились через Илек на левую сторону, а 23-го также благополучно отправились в степь. Об их участии в экспедиции сообщалось в Оренбургскую провиантскую комиссию: «По предложению правительства сделать разыскивания вновь открывающихся в Киргизской степи богатых минералов, как то: каменного и земляного угля и других ископаемых при реках Бурте и

Хобде и за озером Индерским вскоре имеют прибыть с Златоустовских заводов для исполнения этого горные офицеры с командами мастеровых. Хотя в прошедшем году и были частично произведены за границу горные разведки, но они прекращены преждевременно по причине нападения киргизов. К экспедиции должен был быть прикомандирован и Карелин».

17 июня составлен рапорт полковника Милорадовича: «На заре 14 числа, будучи все ещё обложен киргизцами, а некоторые из них, подъезжая на ружейный выстрел, стреляя и делая разные ругательства, кричали тептярям, башкирам и татарам из Уральского войска», предлагая им, поскольку они тоже магометане, отсоединиться от русских и перейти на их сторону. Затем стали собираться «большими партиями для вторично-

го нападения». Войска применили орудия, гранаты и ядра, а затем, построившись боевым порядком, двинулись по маршруту, но казахи 30 вёрст продолжали нападать, поджигали степь, чтобы препятствовать движению, но «были отражаемы из орудий картечными выстрелами, что их намерение и остановило. На возвышенные места высылались стрелки, чтобы предотвратить нападение из-за пригорков». За два дня, сражаясь, отряд прошёл всего 30 вёрст, неся потери: 4 убитых, 25 тяжело и 22 легко раненных, из казаков было убито 3 человека и 25 пропало без вести. Сам Милорадович был ранен в правую руку, ранения получили также 2 офицера. Отряд лишился 134 лошадей (убито и ранено). Нападавшие казахи понесли потери в количестве до 200 человек и более 200 лошадей.

По соединении отряда Циолковского с отрядом Берга был получен от последнего приказ следовать за его отрядом, «и как мои [Циолковского] люди были совершенно без провианта и питались несколько дней только рыбой и дичью, то и просил я полковника Берга, чтобы он позволил мне дойти до Илецкой Защиты и просить Вас [Эссена] для отряда провианта, на что он согласился и послал нарочного. Вот все мои успехи после соединения с отрядом полковника Берга. 3 июня 1823».

По завершении экспедиции предлагалось наградить её участников. Представление подводит своеобразный итог экспедиции, резюмируя трудности и достижения похода.

«Казак-пластун».

Скульптурная композиция Е.П. Напса

Так, начальник всей экспедиции полковник Берг представлялся к званию генерал-майора за то, что командовал отрядом кавалерии, артиллерии и пехоты в 1160 человек, который выступил из Орской крепости. Несмотря на трудности, неизвестное местоположение и препятствия, делавшиеся мятежными киргизами, довёл отряд до назначенного пункта соединения, где принял под своё командование отряд полковника Циолковского, с помощью офицеров произвёл съёмку 40 тыс. кв. вёрст. Полковник Циолковский в награду предлагал получить аренду, по чину — землю или пансион по смерти за командование отрядом из 800 уральских казаков и 4 орудий этого войска. Он прошёл путь через степь дикую, необработанную и безводную, путь гораздо больший, чем намечен по маршруту. В течение 11 дней был великий недостаток в подножном корме и принуждён был довольствоваться лошадью запасными у казаков сухарями. Когда узнал от захваченных киргизцев, что ещё осталось 6 дней форсированных маршей до выхода из сей ужасной пустыни, он настоял на том, чтобы казаки делили пищу с лошадьми и лучше погибли вместе с ними, чем отступили и сделали экспедицию бесплодной. Киргизы окружили отряд и пытались оттеснить его в степь, но силой оружия был проложен путь.

Лейб-гвардии полковник Павловского полка Щеглов представлялся к ордену Св. Анны II степени за то, что был «отряжаем с 450 и 500 человек для предотвращения обратного побега киргизцев на пространстве более 150 вёрст». Капитана

Тимофеева предлагалось наградить орденом Св. равноапостольного князя Владимира 4 степени с бантом, прапорщика Балкашина и поручиков Тафаева и Артюхова — следующим чином, а Карелина — перевести в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части за то, что «производили по очереди съёмку планов, снимая проходимые ими пространства с особенным искусством и точной верностью. Журналы служат им похвалою и обширность съёмки, простиравшаяся до 40 тыс. квадратных вёрст, свидетельствует об их прилежанности». «Но г. прапорщик Карелин в особенности оказал ревностное усердие и крайнюю попечительность в устранении всех препятствий, представивших к исполнению возложенных на него обязанностей. С пистолетом в руках он несколько раз оказывался в опасности, желая доставить необходимые сведения для составления карты».

В результате же награды были следующие: Ф. Ф. Бергу — орден Св. Владимира 3 степени, Циолковскому — 2000 десятин земли, Щеглову — орден Св. Анны 2 степени, квартирмейстерской части капитану Тимофееву — орден Св. Владимира 4 степени с бантом; квартирмейстерской части прапорщику Балкашину — следующий чин; инженерам корпуса поручикам Тафаеву и Артюхову — ордена Св. Владимира 4 степени. «Что же касается до ходатайства о переводе прапорщика Оренбургского артиллерийского гарнизона Карелина в квартирмейстерскую часть и о всемирнейших прошениях прапорщиков тентярских казачьих полков Шаровкина, Гридина и Пи-

«Казак в походе». Рис. К.Н. Филиппова, 1851 г.

вина, то о них вы получите особое разрешение после должного сношения с прежним их начальством», — писал генерал-адъютант Дибич 4 января 1824 года командиру Отдельного Оренбургского корпуса.

Военно-топографическая экспедиция 1823 года не принесла желаемых результатов. Набеги и грабежи казахов продолжались, поэтому в 1824 году было решено предпринять ещё одну попытку прекращения разбоев. Войсковой атаман Уральского казачьего войска полковник Назаров в своей докладной записке от 16 октября 1823 года пишет, что удобнейшим временем для военной экспедиции он считает зиму, так как казахи «расположились на зимние кочевья и оставят их не раньше, чем растает снег. Тогда они станут кочевать чаще и производить поиск будет трудно. Время выступления войск расположить таким образом, что, если зима будет жестокая, то отправить их в марте, а если обыкновенная, то в первых числах февраля. Запасы войскам заготовить

благовременно на 30 дней для каждой команды». Предполагалось, что в поход отправятся два отряда. Первый, в составе 1000 человек с двумя орудиями казачьей войсковой артиллерии, должен идти по Нижне-Уральской линии, второй отряд (500 человек и два орудия) направится к берегам Каспийского моря.

18 января 1824 года генерал-адъютант Дибич сообщил Эссену мнение императора об организации экспедиции. Александр I полагал, что разделение сил на два отряда не принесёт желаемого успеха, тем более, что раздробленность войск в недавнем походе 1823 года послужила, вероятно, причиной неудачи отряда Милорадовича. Он предлагал ударить всеми силами «на один из важнейших пунктов, а потом, если время позволит, обратиться на другой». «Впрочем, — писал Дибич, — Его Императорское величество излагает только мнение свое».

Помимо военных действий, как и в прошлой экспедиции, предполагалось продолжение топографических работ. В феврале 1824 года была составлена докладная записка «О проверке сведений, имеющихся о юго-западной части Киргизской степи». В ней говорится: «... нужно будет офицеру, назначенному при отряде, выступающему из Сорочиковской крепости, наблюдать следующее:

1. С возможной точностью определять проходимое расстояние, дабы чрез то узнать, верно ли обозначены урочища на картах, имеющихся о сей части степи.

2. Если отряд будет проходить по путям уже известным, то поверить съёмки оных, в противном случае составлять топографические маршруты следования экспедиции в масштабе двух вёрст в дюймах пространством в обе стороны сколько местоположение позволит, но не менее двух вёрст. На сих маршрутах должно показывать все потребности и отличительные признаки местоположения, как то: возвышения, овраги, могилы, развалины, леса, кустарники, озёра, солончаки и проч., означа особыми красками места пахотные, луговые, поросшие ковылём и другим подножным кормом, степи бесплодные и пески. Реки, имеющие течение в продолжение всего года, вычёркивать синей краской, а пересыхающие – чёрной. В маршрутной книге по всяким изгибам дороги записывать пройденные расстояния и угол отклонения от компасной черты, так как оный покажется компасом.

3. Вести журнал проходимого пути по форме, употреблявшейся в

прошлых экспедициях, а по местам известным поверять имеющиеся об оных журналы.

4. Стараться собрать достовернейшие сведения об устье реки Эмбы, о горных кряжах Кара, Учканот, Туман, Карауметтау и простирающихся вдоль восточного берега Каспийского моря, о соединении оных между собой и с Мугоджарскими горами и о западных пределах песков Больших Барсуков.

5. Поверять по расспросам известия, имеющиеся о караванных дорогах в Хиву, а именно об Астраханской, направляющейся от угла Тю[неразб.]-Караганского чрез Мангышлакскую степь, и о Сорочиковском, идущем между Каспийским и Аральским морями.

6. Обратит особое внимание на пространство, разделяющее Каспийское и Аральское моря, стараясь определить кратчайшее между оными расстояние, собрать все возможные сведения о возвышенности сего пространства, о глубине, в которой показывается вода, о качестве почвы и проч., дабы делать заключение о возможности соединить оба моря водяным сообщением. Если бы достижение главной цели экспедиции приблизило оную к Аральскому морю, то стараться наиточнейше определить берега оною.

7. Назначить, какие отделения киргизские и в какое время кочуют в проходимых местах, также узнать, где оканчиваются к югу кочевья их и начинаются туркменские.

8. Все собранные сведения записывать в особый журнал, отмечая, кто оные сообщил и в какой степени заслуживает доверенность показание его».

Возглавил экспедицию полковник Г. Мейдарф. Одним из её участников стал штабс-капитан гвардейского Генерального штаба Владимир Дмитриевич Вольховский (1798-1841). 10 февраля 1824 года Эссен написал ему: «Дабы воспользоваться отправлением ея [экспедиции] для поправления и проверки топографических съёмок, по Высочайшей Его величества воле вы командированы ко мне». Таким образом, Вольховский был направлен по особым поручениям в Отдельный Оренбургский корпус с 24 января 1824, а с 24 февраля по 29 марта 1824 находился в военной экспедиции в Киргиз-Кайсацкую степь.

23 февраля один отряд, под командою Назарова, должен был вы-

ступить из Кожехаровского форпоста. К нему были прикомандированы капитан В.Д. Вольховский и поручик Балкашин. Второй отряд, под руководством Циолковского, 23 февраля должен был прибыть в Сорочиковскую крепость. Но неожиданно резко наступила оттепель, санная дорога исчезла. Два следующих дня участники экспедиции собирали телеги из близлежащих форпостов и «малую часть верблюдов». К тому же в ночь с 24 на 25 февраля «эмбенские киргизы угнали у кандауровских и уральских казаков 150 лошадей». Циолковский хотел «достичь Туманских гор и

«Бивуак казаков». Рис. Орловского, 1809 г.

истребить лодки морских разбойников», о чём и сообщал из Сорочиковской крепости. 26-го отряд смог переправиться через Урал и начать поход. «Вскрытие во многих местах рек Урала, Сагиза и Эмбы, — писал в рапорте Циолковский, — притом грязь вообще по степи большая представляют большие затруднения в поспешном следовании отряда». 28 февраля Циолковский докладывал Эссену, что ещё 26 числа он, несмотря на «затруднения для марша», «стараться будет достигнуть хотя бы устья реки Эмбы». Но уже «28 числа сего месяца нашёл невозможным следовать. Вода везде стоит по полю, грязь на солонцах непроходима. На первом марше из 700 человек казаков в строю осталось только 150, прочие все должны были подпрягать строевых [лошадей], чтобы везти провиант и фураж. К морю же и подойти нельзя через солончак, ибо там» с трудом могли пройти строевые лошади. Циолковский, собрав всех штаб- и обер-офицеров, посоветовался с ними, и «все в один голос нашли невозможность» следовать дальше. Было принято решение вернуться в Сорочиковскую крепость.

5 марта 1824 года Эссен составил императору рапорт о том, что 23 и 26 февраля в Киргизскую степь была отправлена военная экспедиция двумя колоннами. Последняя, «от преждевременного вскрытия вод встретив непреодолимые препятствия к следованию по степям, должна была возвратиться». Затем она, по предписанию Эссена, была распущена, так как «содействием её не мог воспользоваться главный от-

ряд, следовавший гораздо севернее; ибо онный в 16 дней по оставлении линии, пройдя 580 вёрст, 9 марта по причине рано наступивших оттепелей и растаявших снегов, от чего почва земли сделалась очень топкою и неудобопроходимою, возвратился через Калмыковскую крепость».

Получив сведения, что часть мятежников скрывается в степи за рекой Утвой, Эссен командировал туда 300 оренбургских и илецких казаков с Новоилецкой линии под командой есаула Оренбургского казачьего полка Аржанухина.

Кратко подводя итог экспедиции, А.И. Макшеев пишет: «В 1824 году ходили в степь три отряда в 2220 человек и 6 орудий, причём штабс-капитан Вольховский составил также военное обозрение части Киргизской степи. Все движения отрядов доставляли некоторые, весьма отрывочные сведения о степях и приучали прилинейные войска к степным походам, но, конечно, не могли водворить порядок и спокойствие в степи». В том же году были составлены также маршрут капитана Тимофеева из крепости Сарайчиковской по берегу Каспийского моря и маршрут Жемчужникова и Балхашина 1824 г. из гор. Оренбурга до горы Биш-Тюбя по пескам Кызылкум, обратно в крепость Орскую.

Но наиболее важные картографические результаты дала экспедиция полковника Ф.Ф. Берга, работавшая на Устюрте зимой 1825-26 гг. Работы начались от крепости Сарайчиковской 16 декабря и продолжались до западных берегов Арала и обратно к исходной позиции более

северным путём (в общем более 2800 вёрст), завершившись 5 марта 1826 года. Во время проведения экспедиции была изучена территория между Каспийским и Аральским морями. Её участниками были офицеры Генерального штаба В.Д. Вольховский, П.Ф. Анжу, Б.Ф. Лемм, капитан Загоскин, подпоручик А.О. Дюгамель и Э.А. Эверсман. Судя по материалам, была использована также инструкция, разработанная для неудавшейся экспедиции 1824 года.

Этот поход стал последней поездкой в наш край Владимира Дмитриевича Вольховского. 8 марта 1826 г. Антон Дельвиг, отвечая на письмо Карелина из Оренбурга, писал: «Любезнейший друг Григорий Силич, очень благодарю за добрую весть об Вольховском. Он вам дорог как друг, а мне, лицейскому его товарищу, как родной брат и друг». По-видимому, Карелин писал Дельвигу в середине февраля и ещё не знал, что в Оренбург отправлено распоряжение об аресте Вольховского. В марте 1826 года командир Отдельного Оренбургского корпуса генерал от инфантерии Эссен получает приказ — «о присылке в С.-Петербург гвардейского Генерального штаба капитана Вольховского, принадлежавшего к тайному злоумышленному обществу». Генерал докладывает начальнику главного штаба барону Дибичу: «...вытребованный мною из отряда полковника Берга, в Киргизской степи находившегося, ...капитан Вольховский с нарочным Оренбургского казачьего полка сотником Шубиным препровождается...». В 1826 году Воль-

ховский был переведён на Кавказ состоять при Паскевиче.

Экспедицией Берга были составлены «Топографический журнал пространства Киргизской степи между Каспийским и Аральским морями экспедиции с 1825 по 1826 г.», схематичная карта (масштаб — 20 вёрст в дюйме) «Обозрение Киргизской степи между Каспийским и Аральским морями» и вычерченный в её нижней части «профиль Устюрта по проследованию отряда на протяжении 242 вёрст». Некоторые результаты экспедиции вошли в составленное Бергом военно-топографическое обозрение междуречья Урала, Ори и Эмбы, включившее маршрут из крепости Орской по рекам Ори, Эмбе, Уилу и обратно.

В конце 20-х годов XIX в. подполковник А. К. Тимофеев написал «Пояснительную записку к карте Киргиз-кайсацкой степи и Туркестана, составленной посредством компаса и одометра. Бухария же и весь Туркестан по расспросам», основываясь при этом на следующих материалах: 1) данных экспедиции Мейендорфа 1820—1821 гг., 2) маршруте Ф. Ф. Берга из крепости Орской в 1823 г., 3) маршруте из крепости Сарайчиковской по берегу Каспийского моря, совершенном Тимофеевым в 1824 г., 4) работах экспедиции Берга в 1825—1826 гг. и др. Так, не только по времени проведения, но и по некоторой перманентности этих экспедиций, они получили объединение в одном труде. К «Пояснительной записке» была приложена и сама карта «Киргиз-кайсацкой степи и Туркестана».

ЛИТЕРАТУРА

1. Временник Пушкинской комиссии. – 1996. – Вып. 27. – С. 175.
2. ГАОО. Ф. 6, оп. 4, д. 8202.
3. ГАОО. Ф. 6, оп. 4, д. 8403/а.
4. ГАОО. Ф. 6, оп. 10, д. 3040/а.
5. ГАОО, Ф. 6, оп. 10, д. 3104.
6. Декабристы : биограф. очерк. – М., 1988. – С. 44.
7. Дельвиг, А. А. Сочинения / А. А. Дельвиг. – Л., 1986. – С. 313-314.
8. Кравченко, В. «И милость царская и царская немилость» / Виктор Кравченко // Ставропол. правда. – 2003. – 6 июня.
9. Захарьин И. М. Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву / И. М. Захарьин. – СПб., 1901. – С. 21-22.
10. Макшеев, А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских / А. И. Макшеев. – Б. м., 1891. – С. 112.
11. Мейендорф, Е. К. Путешествие в Туркмению и Хиву... / Е. К. Мейендорф. – Париж, 1826. – Ч. II. – С. 19.
12. Мясоедова, Н. Е. Друг Пушкина – В. Д. Вольховский / Н. Е. Мясоедова // Временник Пушкинской комиссии. – 1996. – Вып. 27. – С. 175.
13. Павлов, Н. В. Действительные члены Московского общества испытателей природы Григорий Силыч Карелин (1801-1872) и его воспитанник и друг Иван Петрович Кирилов (1821-1842) / Н. В. Павлов. – М., 1940. – С. 5.
14. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX-начале XX в. / Н. А. Гвоздецкий, В. Н. Федчина, А. А. Азатьян, З. Н. Донцова. – М., 1964. – С. 72-73.
15. Федчина, В. Н. Как создавалась карта Средней Азии / В. Н. Федчина. – М., 1967. – С. 86-87.

Галина МАТВИЕВСКАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ...

А.И. Лёвшин и киргиз-кайсаки

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепрпетровске. Вместе с семьёй в 1941 г. переехала в Оренбург. Окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. Доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН Узбекской ССР, академик АН Узбекистана, действительный член Международной Академии истории науки. С 1994 г. – профессор ОГПУ. Член Союза писателей России. Известный краевед, автор многочисленных работ по истории края. Лауреат премии «Оренбургская лира», Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», Шолоховской премии «Они сражаются за Родину».

Алексей Ираклиевич Лёвшин (1799-1879) – писатель, историк, этнограф, один из основателей Русского географического общества, видный политический деятель периода реформы 1861 г. – сделал важный вклад в литературу XIX в. об Оренбургском крае. Прослужив в Оренбурге два года и собрав обширный краеведческий материал, он опубликовал в 1823 г. «Исторический и статистический обзор уральских казаков». Впоследствии А.С. Пушкин, внимательно изучавший это сочинение, отметил, что оно отличается, «как и прочие произведения автора, истинной учёностью и здравою критикою».¹ Высокую оценку современников получил и вышедший из печати в 1832 г. трёхтомный труд Лёвшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей». В нём были впервые сообщены все известные сведения о принявших в 1732 г. российское подданство казаках, которых тогда называли киргиз-кайсаками.

В 1818 г. после окончания Харьковского университета А.И.Лёвшин начал служебную деятельность в министерстве иностранных дел. В это время он уже был автором опубликованных в 1816 г. «Писем из Малороссии», так что в Петербурге сразу вошёл в круг литераторов. Он был хорошо знаком с А.С. Пушкиным, с которым вместе служил в Коллегии иностранных дел, а позднее – в Одессе, в канцелярии новороссийского генерал-губернатора М.С.Воронцова.

Важную роль в жизни А.И. Лёвшина сыграл перевод в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, где он встретился с Василием Фёдоровичем Тимковским (1781-1832), служившим с 1812 г. в канцелярии государственного секретаря А.С. Шишкова. Писатель, член «Беседы любителей русского слова», знаток латинской и немецкой литературы, Тимковский отличался блестящим красноречием. Один из современников говорил, что «сила пера его нередко уравновешивалась силою его увлекательного изустного слова, в котором я не знал ему равных».²

На А.И. Лёвшина этот человек произвёл огромное впечатление. Спустя много лет он вспоминал, что В.Ф. Тимковский пленил его «светлым умом, прямою душою, сведениями и бойким пером». «А потому, – продолжал он, – в 1820 году я вместе с ним отправился в Оренбург в качестве его помощника по сношениям с киргиз-кайсацкими ордами».³

В.Ф. Тимковский был назначен председателем Оренбургской погра-

ничной комиссии – особого учреждения, которое с 1799 г. управляло делами киргиз-кайсаков, регулировало отношения с ханом Малой орды, выполняло судебные функции и т.д. Помимо председателя и советников, в комиссию входили представители орды – султаны и старшины, избравшиеся на три года. Это учреждение занималось также вопросами, касающимися отношений России с ханствами Средней Азии.⁴

Пограничная комиссия была подведомственна министерству иностранных дел, но непосредственно подчинялась оренбургскому военному губернатору. В то время эту должность занимал прошедший славный боевой путь генерал от инфантерии Пётр Кириллович Эссен (1772-1844).⁵ В Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) хранится «Дело по Высочайшему повелению об определении статского советника Тимковского в должность председателя Оренбургской пограничной комиссии».⁶

В указе Александра I от 22 июня 1820 г., поступившем к Эсену из Правительствующего сената, значится: «Служащему в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел коллежскому советнику Тимковскому повелеваю исправлять должность председателя Оренбургской пограничной комиссии. Того же департамента титулярному советнику Лёвшину находиться при нём для письмоводства. По уважению ж отличных познаний и ревностных трудов первого и равномерно особенного прилежания и способности второго Всемилоостивейше жалую Тимковского в

статские советники и Лёвшина в коллежские асессоры».⁷

В.Ф. Тимковский, столичный чиновник и, по отзыву современника, «заядлый либерал», представлял себе положение на юго-востоке России чисто теоретически и в известной степени идеализировал его. Легко понять, что он не нашёл общего языка с хорошо знавшим реальную обстановку П.К. Эсенном. Разногласия по поводу непростых отношений, сложившихся в это время в казахской правящей верхушке, вскоре привели чиновников к открытому конфликту.

А.И. Лёвшин между тем, исполняя служебные обязанности, хорошо познакомился с Оренбургским краем. Он вспоминал впоследствии: «Появление наше в Оренбурге было принято недружелюбно: оно стесняло многие низшие власти в произвольных действиях их и потому скоро возбудило неприятные отношения между начальником нашей маленькой миссии и главным начальником края. Размолвка эта была причиною, что Тимковский отправился в Петербург для объяснения с министерством, а я остался в Оренбурге без определённых отношений к местным властям и почти без дела. Обстоятельство это дало мне счастливую мысль заняться разбором архива Пограничной комиссии; а плодом этого труда, равно как моих частных поездок в киргизскую степь и непрерывных сношений с ханом и султанами киргизскими, было изданное мною, несколько лет после, сочинение моё под названием «Описание киргиз-кайсацких степей».⁸

А.И. Лёвшин

В предисловии к первой части «Описания» А.И. Лёвшин рассказывает о своей работе по сбору материалов об истории и этнографии казахов более подробно. Он пишет: «Первые понятия мои о сем народе почерпнуты мною из архива Азиатского департамента Министерства иностранных дел в течение 1819 и 1820 годов. Я пополнил оные подробностями, замечаниями, поверьями и всякого рода сведениями в последовавшие за тем два года, кои провёл в Оренбурге и степях Зауральских, будучи туда послан по Высочайшей воле тем же Министерством. Время сие, по обязанностям звания моего и охоте к изучению, посвящено было мною непрерывным сношениям с киргиз-казаками, поездкам к хану Меньшой орды, султанам и знатнейшим старейшинам сего народа, наблюдениям его

правов и обычаев, собранию преданий, в нём сохранившихся, чтению маршрутов и всякого рода записок о степях киргиз-казачьих; наконец, разбору и рассмотрению архива Оренбургской пограничной комиссии, в коей хранятся все бумаги и дела по отношениям правительства Российского с соседственными народами Средней Азии со времени основания Оренбургской линии, или с 1735 года. Нередко, прочитав первую страницу листа и желая перевернуть оный, я видел его распадающимся в руках моих на несколько частей, подобно рукописям Геркуланским».⁹

А.И.Лёвшин вернулся в столицу в 1823 г. Но ещё в 1820 г., вскоре после приезда в Оренбург, он опубликовал в журнале «Вестник Европы» статью,¹⁰ в которой описывает одну из своих поездок к Ширгазы-хану и делится с петербургскими читателями полученными впечатлениями. Ниже приводится текст этой статьи, которая ещё никогда не перепечатывалась.

«Свидание с ханом Меньшой киргиз-кайсацкой орды»

Вчера возвратился я с К[орсаковым] из путешествия, столь же необыкновенного, сколько любопытного для европейца. Мы ездили в киргиз-кайсацкую степь и были у Высокостепенного Меньшой орды хана Ширгазы. Приём, нам сделанный сим кочующим повелителем полудикого народа, и жилище его заслуживают быть описанными.

Приехав в пограничную Красногорскую крепость, из которой нам

должно было отправиться в степь, оставили мы нашу коляску, сели на верховых лошадей, взяли для прикрытия несколько вооружённых Тенгярских казаков и пустились за Урал, составляющий границу нашу от киргизцев.

Версты четыре ехали мы кустарником, потом выбрались на необозримую равнину, покрытую иссохшим ковылём. Правая сторона её была совершенно открыта; в левой синели небольшие горы, на коих возвышалось множество холмов, подобных сахарным головам. Картина сия почти не изменялась до самого ханского аула*, от которого в нескольких верстах встретил нас племянник хана султан** Мендиар. Подъехав к нам, он снял шапку, спросил нас о здоровье, объявил, что послан нам навстречу и поскакал показывать нам дорогу, ибо впереди не было никакого следа. Через четверть часа мы увидели небольшой лесок и вдавшуюся в оный полукруглую долину, на которой недалеко от озера разбиты были три большие белые войлочные кибитки. Средняя из них была собственно ханская; одну крайнюю занимали три жены его, а третью очистили для нас. Против сих трёх в некотором отдалении разбросаны были до 100 маленьких серых и чёрных войлочных же кибиток, в которых живут теленгуты***

* Аулом называется несколько кибиток, вместе расположенных; это подвижное селение.

** Султанами у киргизцев называются только дети и потомки ханов.

*** Теленгуты суть рабы, взятые в плен или происходящие от пленников.

или служащие ханские, или простые киргизцы.

У входа отведённого нам шатра встретил нас меньший сын ханский султан Идига и ещё два султана, родственники его. Каждый из них пожал у нас руки, каждый благодарил за то, что мы приехали к ним, и просил, войдя в палатку, сесть. Полчаса провели мы с ними в изъявлении взаимных вежливостей; потом хан прислал просить нас к себе.

Его Высокостепенство, одетый в шёлковый серебристый халат и сверх оного в соболью шубу, покрытую богатою парчою, а на голове имевший конусообразную бархатную шапочку, шитую золотом и опушенную бобровым мехом, принял нас у входа в свою кибитку, поблагодарил за посещение, сел на стул и посадил нас возле себя на оставшихся двух складных стульях. Султаны же, которые окружали его при сей аудиенции и которых было тут шесть, сели на коврах по общему азиатскому обыкновению, поджав ноги под себя.

С глубочайшим благоговением спросив о здоровье Государя Императора нашего, хан сделал мне несколько вопросов, собственно до меня касающихся, и потом обратился с тем же разговором к моему товарищу; а я начал со всем возможным вниманием осматривать походный дворец его, в котором, невзирая на то, что он в удобствах для жизни уступает преимуществу порядочной хижины поселянина, произносятся так же, как и в чертогах сильных монархов, приговоры о жизни и смерти.

Снаружи он покрыт белыми войлоками. Вид у него круглый, кверху суживающийся; в диаметре имеет он до 20 шагов, в высоту аршин 8. Наверху над самую срединю прорезано круглое большое отверстие, по произволу открываемое и закрываемое. В него входит свет и выходит дым от разводимого под оным внизу огня. Внутренние стены, состоящие из складной деревянной решётки, от земли аршина на полтора покрыты сплетёнными из соломы и разных цветных шерстяных ниток занавесками, предназначенными для того, чтобы в жары, когда наружный войлок подымет-ся, сквозь оные мог входить в кибитку свежий воздух, не заноса с собою пыли. Вверху обтянут шерстяною пёстрою тканью. Часть, противулежащая дверям, занята была множеством сибирской работы сундуков, поставленных один на другой и покрытых бухарскими и персидскими коврами, на которых лежали парчовые, суконные и бархатные, золотым позументом обитые халаты и шубы. На левой стороне развешено было оружие, состоящее из трёх сабель, одной золотой, драгоценными камнями осыпанной, которая пожалована хану Государем Императором, и двух турецких, в серебре обделанных, из турецких же, богато украшенных ружей и пистолетов, из одного простого ружья, с приложенными к нему сошками, из колчана со стрелами, из лука и нескольких мелких снарядов для вооружения. По правую сторону на сундуке разложены были три сед-

ла с разными украшениями, сердоликами и бирюзами; возле них висела конская сбруя с серебряными и золотыми насечками, вычеканенными в ханском ауле одним из его киргизцев. Тут же стоял четверугольный деревянный ящик, испещренный разноцветными крашеными косточками и резьбою, а в нём покрытый ковром кожаный мешок с кумысом и лопаточка для мешания сего любимого напитка всех кочевых народов. Далее стояли две пёстрые чаши, имеющие почти аршин в поперечнике и выдолбленные из одного дерева; над ними повешен был маленький серебряный самовар; посередине же кибитки стоял складной столик, покрытый красным платком.

По окончании первых приветствий хан взглянул на своего дворецкого или гофмейстера, и нам тотчас подали прекрасный серебряный позолоченный чайник с чаем и несколько раззолоченных же фарфоровых чашек, из коих одна, превосходя величиною свою прочие, показывала, что предназначена для особы самого хана. После сего угощения мы возвратились в нашу кибитку: это было около полудня.

Часа в два пришёл к нам с четырьмя султанами старший сын ханский, султан Ишгазы, только что возвратившийся с охоты. Он повторил те же вежливости и вопросы, которые слышали мы от отца его, и потом спросил, можно ли нас потчевать киргизским кушаньем. Мы отвечали, что желаем быть угощаемы по всем принятым у них обыкновениям, — и

нам принесли в оловянной чаше биш-бармак, т.е. молодого вареного в солёной воде баранчика, которым накормить приезжего киргизцы считают за долг. Мясо было необыкновенно жирно и довольно вкусно; но имело неприятный запах. Сын ханский, заметив, что мы мало едим, подошёл к нам и просил окончить баранчика. Я отозвался, что русские мало едят. Он отвечал: «Киргизы на вас в этом не похожи, ибо иные из нас съедают по целому барану». Мы решительно признались, что уступаем им первенство и встали из-за стола. Тогда старший между султанами вынул из чаши оставшееся мясо и разделил его руками между всеми предстоявшими, а нам налил из кожаного сосуда, сшитого наподобие наших чайников, две большие китайские чашки кумысу. Таков был обед наш.

Вечером, когда солнце зашло и стало прохладно, принесли в кибитку нашу вязанку дров и разложили посередине её огонь. Хозяева все сели вокруг огня, мы сделали то же и начали разговор об обрядах, образе жизни, обыкновениях киргизцев. Я спросил одного султана, имеют ли они музыку. Он, не отвечая, тотчас вышел и скоро возвратился с одним простым киргизцем, который держал в руке пустую травяную трость в аршин длины с тремя на конце прорезанными отверстиями, без всяких клапанов и перегородок внутри. Это единственный киргизский музыкальный инструмент, называемый ими чебызга! Знаменитый

игрок подошёл к огню, сел, надулся, взял в зубы принесённую им трость и, как кажется, в полной уверенности очаровать нас своим искусством, заиграл. Концерт его был более дик, нежели мы ожидали, несмотря на всю умеренность наших требований. Взяв у него чебызгу, я сам хотел надуть несколько нот, но все мои усилия были напрасны: ибо после увидел я, что игра на ней есть не что иное, как пение внутренностию гортани, из которой выходящие охрипые звуки, проходя через тростник, обращаются в самые грубые и дикие тоны, особенно в низких нотах. Слушая таковую музыку, сидя ночью на земле у огня, несколько раз угасавшего и опять разводимого, и видя себя в кругу людей, которые толпились один перед другим для того, чтобы взглянуть на нас, и которых язык, образ жизни, одежда, словом, всё для нас было ново и необыкновенно, можно было забыться и представить себя во сне перенесённым на какой-нибудь неизвестный остров.

Второй концерт или вторая часть полного концерта была полурусская. Она состояла в игре на балалайке, на которой меньшей сын хана, желая угостить нас как можно почётнее, сам проиграл нам один давно известный мне экосез, выученный им у русских, и несколько песен киргизских, туркменских и калмыцких, из которых одна была очень изрядная, и две или три состояли из двух колен, по два раза повторяемых.

После увеселений нас опять позвали к хану. Мы нашли его грею-

щимся у разведённого в кибитке его огня, накинули на себя поданные нам собольи шубы, сели возле него и довольно долго говорили с ним о невыгодах кочевой жизни, о желании его иметь дом для зимы и о намерении завести хлебопашество для примера подвластным своим; потом напились чаю, кумысу и отправились спать.

Любопытство видеть стада киргизские и картину утренних забот кочевого народа пробудило меня часа за два до восхождения солнца. Я вышел в поле, приблизился к передним кибиткам, занимаемым ханскими служителями, и увидел между оными неподвижно лежащих до 3000 овец, около 800 лошадей и более 120 верблюдов. Лишь только первые лучи солнечные начали показываться, всё пришло в движение: люди стали взад и вперёд ходить, скот поднялся и зашевелился. Прошло с небольшим полчаса, и стада потянулись в обе стороны. Тут любопытнее всего было видеть между бегущими овцами важно выступающих верблюдов, на которых сидели пастухи, повелители толпившихся около них тысяч.

Картина жизни кочевого народа должна быть очень сходна с картиною времён патриархальных и взгляд на киргизцев легко напоминает нам современников Авраама, также кочевавших в земле обетованной. Степь киргизская и обитатели оной любопытны не только для ума наблюдателя, но и для воображения стихотворца.

Возвратясь в кибитку свою, я нашёл тут ханских сыновей и по-

ставленный на столе самовар с тем же богатым чайным прибором, который видели накануне. Приняв от хозяев поздравление с добрым утром и окончив чай, к которому принесли довольно дурного из овечьего молока сделанного масла и несколько кусков круту или сыру, добываемого из овечьего же молока чрез продолжительное выпаривание, мы пошли к хану прощаться. Он с непритворною ласкою опять поблагодарил нас за посещение, просил помнить его, опять приехать к нему и, взяв нас за руки, предложил нам в знак памяти, по обычаю, у них данному, выбрать то, что нам более нравится у него в кибитке. Мы отказались, принесли нашу признательность за угощение, изъявили в пышных азиатских выражениях желание, да озарит дом его светило благополучия, и откланялись.

Приготовления к отъезду задержали нас ещё с час в кибитке нашей. Вышед из оной, мы увидели у входа сидящих на конях сыновей ханских, двух племянников и ещё одного султана и одного старшину, а с ним человек до 20 простых киргизцев. Ополчение сие собралось нас провожать; мы тотчас присоединились к нему с нашими теплярами и поехали вместе обратно к границе. День был прекрасный, тихий и жар доходил в полдень до 20 градусов Реомюра. Такая погода 16 октября столь же была необыкновенна для нас, жителей севера, как и окружающие нас люди.

Проехав версты две, старший сын хана сказал мне, что желает позабавить нас, и потом, обо-

ротясь назад, что-то приказал едущим за ним киргизцам. Тотчас один из них запел песню, в которой перевозносил милости нашего императора к хану их, желал его Величеству долго жить и, наконец, хвалил нас, приглашая опять приехать к ним в степь. По окончании сей оды, певец повернул лошадь и поехал в нескольких шагах от нас на левую сторону, в то же время другой киргизец взял вправо, — и начался дуэт. Первый певец, пропев один куплет, умолк; потом запел второй, потом продолжал опять первый, за ним опять второй, и так далее. По однообразному напеву их я думал, что оба поют одно; но мне объяснили, что они спорят, и что один, выхваляя свою любезную, жалел, что она его забыла и вышла замуж; а другой утверждал, что она не заслуживает сожаления и что она собою не хороша. Всё слышанное нами тут было пропето без всякого приготовления: ибо киргизцы не имеют таких песен, которые, быв однажды сочинены, переходили бы от одного к другому; всякий из них сам сочиняет, мешая разные мысли свои с изображениями встречавшихся глазам предметов, всякий сам импровизатор.

С таковою музыкаю и при необыкновенном свисте одного из султанов, имевшего в зубах кусочек тростника, подъехали мы к Уралу, через который должно было переправляться вброд. Пока мы с К[орсаковым] рассуждали, где безопаснее ехать, между тем спутники наши поджали под себя ноги, сели на

сёдлах так же, как садятся на полу и, держась на лошадах коленами, пустились через воду. С любопытством взглянув на их ловкость, мы последовали за ними и приехали на другой берег с мокрыми ногами, тогда как они были совершенно сухи.

Тут все провожавшие нас простые киргизцы возвратились, а сыновья ханские и прочие султаны доехали с нами до первого форпоста нашего, и тогда уже, поблагодарив нас за посещение и пожелав нам здоровья, расстались с нами.

Пожимая при прощании руку у султана Мендиара, которого месяца четыре назад видел я в Петер-

бурге и который перевозносил жизнь петербургскую при выезде из своего аула, я спросил его: «Не лучше ли оставить степь и переселиться в такой прекрасный город?» «Город чудесный, — отвечал он, — но для меня в степи приятнее; я в ней родился и вырос; я привык к ней и не могу оставить её». Киргизец сей в трёх или четырёх словах сказал мне более, нежели все пространные рассуждения наших европейских учёных о любви к отечеству.

А. Лёвшин

20 октября 1820 года
Оренбург».

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е. Л.: «Наука», 1989. — С. 232–233.

² Русский биографический словарь. Т. «Суворов-Ткачёв». СПб., 1912. — С. 520–521.

³ Полевой Н.А. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. Л., 1934. — С. 527;

На память юбилея А.И. Лёвшина. СПб., 1868. — С. 29.

⁴ Матвиевский П.Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX веков. Оренбург: Оренбургская книга, 2005. — С. 151–154.

⁵ Семёнов В.Г., Семёнова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. — С. 178–188.

⁶ ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 2285.

⁷ Там же, л. 1.

⁸ На память юбилея А.И. Лёвшина. СПб., 1868. — С. 29–30.

⁹ Лёвшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть первая: известия географические. СПб., 1832. — С. IV-V.

¹⁰ Лёвшин А.И. Свидание с ханом Меньшой киргиз-кайсацкой орды // Вестник Европы. 1820. — № 22. — С. 129–134.

Екатерина ПОПОВА

КУРПЕ – ДУША КАЗАХА

Екатерина Николаевна Попова (Удоденко) родилась в Медногорске. Окончила Бузулукское педагогическое училище, Оренбургский педагогический институт. Преподавала русский язык и литературу в сельских школах Соль-Илецкого района. Живёт в с. Кумакском, работает в библиотеке.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

На протяжении многих веков, вплоть до XX века история и культура казахов напрямую были связаны с кочевничеством. При переходе на другое место надо было быстро сложить юрту и всё, что в ней находилось: посуду, одежду, утварь, различные подстилки для сидения на полу: кошмы, сырмаки, текеметы, алаша, курпе и другое. На новом месте всё это опять раскладывалось.

У казахов был похоронный обычай – одаривать присутствующих лоскутами ткани – жыртыс (от жырту – разорвать), который восходил к древней традиции разрывать одежды покойного. Считалось, что с кусочком одежды благодатная сила умершего передаётся оставшимся в живых. Из лоскутов этих шили одежду для детей.

К началу XX века с развитием промышленности казахи начали постепенно оседать, некоторые даже заниматься земледелием. У них сложилось полукочевое скотоводство.

А с началом колхозной жизни оно заменяется оседлым скотоводством – земледельческим хозяйством. Сокращается количество овец. Это уже были не те несметные отары, что паслись в необозримых степях. Из юрт казахи постепенно переселяются в землянки и дома. Отпадает необходимость в больших войлоках, которыми покрывали земляные полы юрт. Постепенно сокращается и сходит на нет громоздкое изготовление сырмаков, алаша, текеметов – больших войлочных и тканых покрытий. А позже они заменяются коврами и паласами.

КУРПЕ КАК ПРЕДМЕТ ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

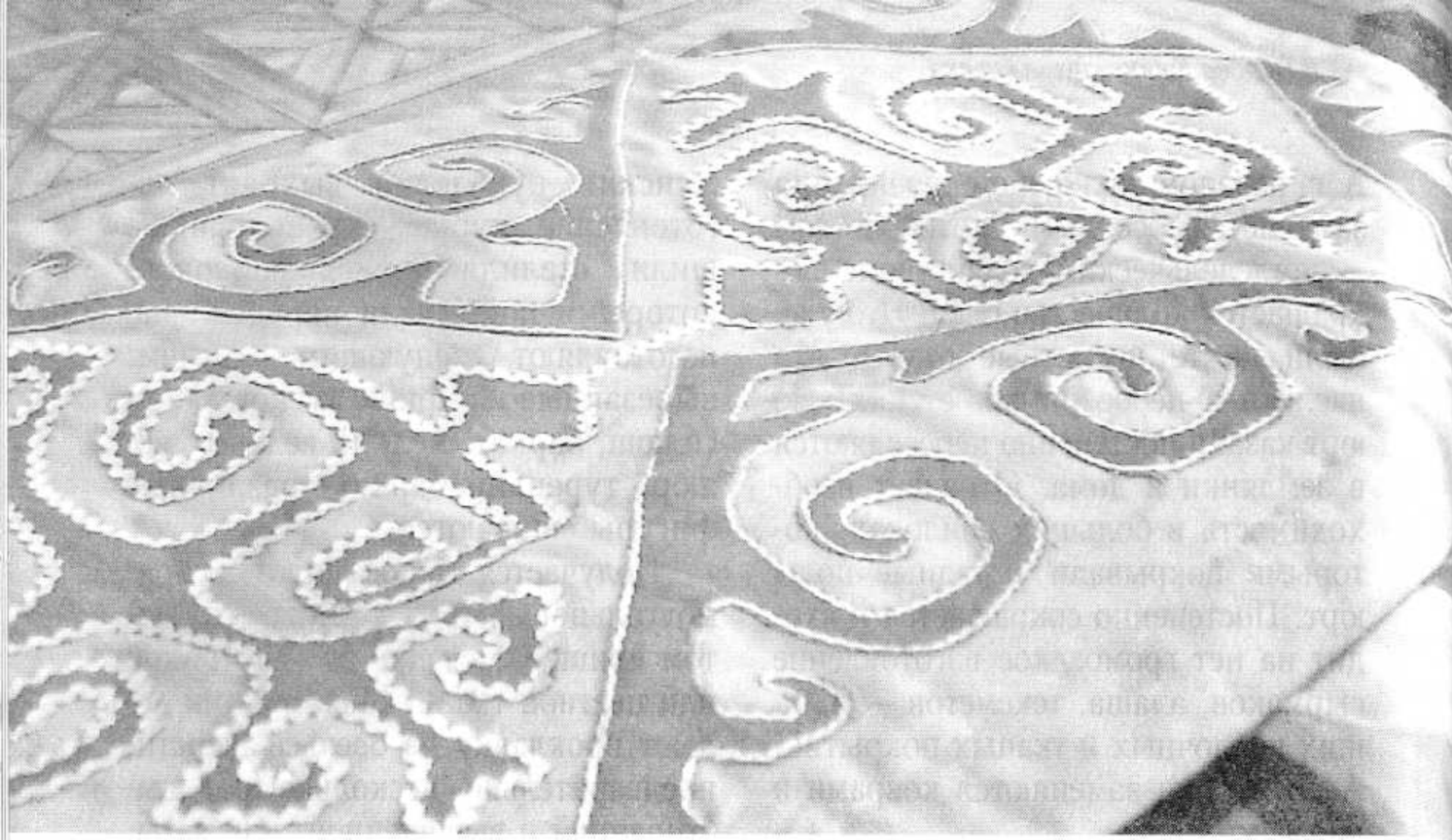
Но казах не может жить без подстилок. И на первый план из

женских рукоделий выходит изготовление курпе. Их и раньше шили, стелили поверх войлоков, которыми покрывали нары. Курпе изготавливают следующим образом: вырезанные из ярких кусков ткани (плюш, бархат, мелкий вельвет, велюр, турецкий бархат) различные фигуры сшиваются.

Получается яркое полотно прямоугольной формы – это верх. Потом пришивается низ из однотонной или цветной ткани. Между ними делают прокладку из овечьей шерсти, предварительно несколько раз выстиранной и высушенной, или ваты. Простёгивают в нескольких местах. Узоры каждая мастерица придумывает свои. У нас в селе в основном распространены орнаменты из геометрических фигур: треугольников,

Камбиба Утарова за работой

Курпе Г. Бектургановой

Ушут Шембаева со своим изделием

квадратиков, ромбов и т.д. Они не просто пришиваются наобум, а подбираются по цвету или контрасту. Каких только узоров я не видела! И лебеди на волнах из треугольников, и мозаика из многогранников, и цветы из ромбов, и ёлочки и пр. Сначала пришивают руками, потом прострачивают на машинке. Прокладку сейчас делают не только из шерсти, но некоторые переходят на поролон и синтепон. И получаются яркие, самобытные, красочные изделия.

Но высшим пилотажем считается, если курпе или подушка расшиты орнаментом «рога» (муйиз).

Они вырезаются по лекалам из ткани и в отличие от треугольников не сшиваются, а пришиваются сверху красивым ручным или машинным швом, бывает и тесьмой. Эта тонкая работа требует большого умения и усидчивости. Таким искусством владеют у нас Г.И. Абилова и Г.А. Бектурганова.

САДАКА

Курпешек надо много, потому что в традициях казахского быта надо хоть изредка позвать на садака всех родственников, соседей, хороших знакомых. Садака – это большой обед без алкоголя, как бы жертвоприношение высшим си-

лам, чтобы они предохранили дом от несчастий. Садака устраивается по разным поводам: ребёнок родился, имянаречение, пошёл в первый класс, человек вылечился от тяжёлой болезни, поминки, сын демобилизовался и т.д. Обед устраивается на полу. В середине комнаты на ковре расстилаются клеёнки, куда ставятся кушанья, а по периметру кладутся новые курпе, на которых сидят гости. У казахов есть такой обычай на садака – когда чай выпит, бешбармак съеден, молитва произнесена, хозяева всех гостей наделяют куском

Внучка У. Байниязовой показывает работу бабушки

Курпе Г. Абиловой

ткани 30x30 или 50x50 сантиметров. В них заворачивают деньги – 5 – 10 рублей. Вот эти куски накапливаются в домах, из них-то и изготавливаются впоследствии курпе. Получается, что память о радостных и трагических событиях воплощается в этих нехи-

рых изделиях – курпе. К слову сказать, на курпе, предназначенное на приданое невесте, стараются купить новую ткань. Курпешки складывают орнаментом наружу и хранят до следующего садака стопкой на лишней кровати, или на сундуке, или на шка-

фу. Они создают в доме национальный колорит.

КУРПЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Жыртыс раздают всем пришедшим на похороны и поминки на 7, 40, 100 дней и год. Поскольку похороны традиционно многолюдны (как сказала одна казашка: «Похороны или свадьба – это не личное уже, а народное достояние»), то раздача жыртыса несёт за собой немалые расходы.

В Самарской, Оренбургской областях на похоронах бывает 100 и более человек, если это сельская местность, то практически вся деревня.

Я спрашивала у некоторых женщин:

– Зачем вам сейчас шить курпешки, ведь ваши дети живут в городских квартирах, они ими не пользуются.

Но наши мастерицы Г. Абилова, К. Утарова, Г. Бектурганова, У. Байниязова, А. Джакеева и другие даже представить не могут, как это отдать дочку замуж и не дать в приданое грудку курпешек. У них уже и для внучек заготовлены самые

красивые подстилки. Все женщины – пенсионерки. Из молодых мало кто занимается этим ремеслом. Самые молодые Нуржамал Кусаинова и Умут Шигебаева – им немного за 40. Остальные заказывают курпе у местных мастериц или покупают где-то за пределами села, привозят из Казахстана.

Большие затраты стали причиной распространения идеи отказа от жыртыса. Имамы даже запрещают материал разрезать на кусочки: пусть лучше отрез дадут. Не нравится имамам и то, что сшитые из жыртыса курпе валяются под ногами. Но подавляющее большинство казахов всё-таки соблюдают родной обычай старины.

С приходом в село газового отопления большинство казахов избавились от нар, обзавелись современной мебелью. Во многих домах стоят стенки, кухонные уголки, спальни, прихожие. Однако долгими зимними вечерами казахские женщины располагаются на ковре перед телевизором с его длинными сериалами, обкладываются яркими лоскутками, вооружаются ножницами, иглой и мастерят эти тёплые, домашние подстилки – курпе.

Алла Владимировна Фёдорова родилась в Тбилиси Грузинской ССР. Окончила Рязанский государственный педагогический институт. Кандидатскую диссертацию защищала в МГУ им М.В. Ломоносова, докторскую – в Санкт-Петербургском университете. С 1972 года работает в Оренбургском государственном аграрном университете, пройдя путь от ассистента до профессора, заведующей кафедрой истории Отечества, директора научно-исследовательского Центра истории и культуры народов Южного Урала. Почётный работник высшего профессионального образования, лауреат премии имени К.Д. Ушинского, академик Академии военно-исторических наук, Петровской академии наук и искусств, академии ювенологии.

Алла ФЁДОРОВА

КАЗАХИ ОРЕНБУРЖЬЯ

История в лицах

В 1991 г. Оренбуржье посетила солидная делегация деятелей культуры Казахстана. Многие из них принимали участие в научно-практической конференции, посвящённой проблемам истории и культуры казахов Оренбуржья, проходившей в областной библиотеке им. Н.К. Крупской. Руководство библиотеки обратилось тогда к нам, на кафедру истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета с просьбой оказать содействие в проведении конференции и предоставить соответствующую экспозицию. Это и стало своеобразной первой презентацией выставки «Казахи Оренбуржья: прошлое и настоящее», которой в 2009 г. исполняется 18 лет...

Документы, исследования, материалы постоянно демонстрируются как в университете, так и за его пределами. Значительная часть экспозиции сформировалась за счёт моей личной коллекции, многие уникальные документы собрали сту-

денты экономического и агрономического факультетов. Постоянными посетителями выставки являются как студенты, так и университетские учёные и преподаватели. Выставка состоит из тематических разделов: документы, фотографии, студенческие рефераты об истории рода, летописи казахских сел, предметы быта, печатная продукция.

Научной составляющей коллекции стали уникальные архивные материалы, среди которых фронтовые письма периода Великой Отечественной войны, отправленные семьям Тлеулиевых и Жасмагамбетовых в Соль-Илецк в 1941 – 1943 гг. их родственниками – защитниками Отечества, фильтрационное дело Рамба-

сара Султанова, удостоверение, подписанное Мао Цзэдуном, выписки из личного дела Руслана Шудабая, погибшего 20 февраля 1995 г. при исполнении обязанностей военной службы по ликвидации незаконных вооружённых формирований в Чеченской республике (уроженца с. Тамар-Уткуль Соль-Илецкого района Оренбургской области), его письма из Грозного и другие.

«Оживляют» выставочную экспозицию многочисленные фотографии, освещающие жизнь и быт казахов Оренбуржья с начала XX века. История в лицах даёт уникальную возможность представить многие скрытые моменты жизнедеятельности казахского этноса: праздники, свадьбы, похороны и т.д.

Например, фотографию семьи торговца М.К. Шуркунова, сделанную в 1913 году, выявил студент агрономического факультета М.Ф. Тухватуллин, фотоснимок работников фермы № 1 с. Ручьёвка Первомайского района Оренбургской области 1955 г. предоставил студент экономического факультета А.Х. Джумагалиев. Фотофонд выставки пополнили кадры из жизни семьи Касеновых (1960 г.), жителей с. Базарбай Кваркенского района, которые сдала студентка экономического факультета Р. Китае-

Две казашки: слева – Алмаш Бакимовна Камаева

В поле Айман Илюсинович Джуламанов с семьёй

ва, фотографии казахской свадьбы 1971 года передал студент агрономического факультета Б.А. Кужахметов. В коллекции также имеются фотокарточки периода Великой

Н.К. Катапов, участник Великой Отечественной войны

Отечественной войны, в частности фронтовика Н.К. Катапова 1944 года, найденная студентом агрофака С.Ж. Мухамбетовым, раненого бойца А.С. Утягулова с капитаном медицинской службы В.Л. Львовым в Ленинградском госпитале 1945 года и другие.

Для того чтобы раскрыть уникальность национальной культуры, студенты-казахи первого и второго курсов экономического и агрономического факультетов университета составляют родословные, рассказывают о своих предках, пишут научные работы. Среди множества исследований хочется выделить родословные семей Мухамедяровых, Агайдаровых, домашний архив се-

Семья Альджановых.
Село Шоктыбай,
Чингирлауский район,
Западно-Казахстанская
область, 1945 г.

мьи Кулушевых, истории семей Жалмухамбетовых, Суентаевых, составленные студентами с одноимёнными фамилиями. Наиболее интересными рефератами являются изыскания Л.М. Калмухамедовой «Казахи Домбаровского района (по материалам домбаровского районного архива)», Д. Джумагалиевой «Муканова (Кузенова) Казиза Кульназаровна — мать-героиня», А.Т. Кузембаевой «Казахское население села Новоникитина Октябрьского района», Г.Б. Бисенгалиевой «Ювелирные украшения Казахстана», Н.А. Динер «Казахские пословицы и поговорки» и другие.

Традиционные национальные костюмы и головные уборы, халаты, расшитые бисером, придают коллекции настоящий этнический колорит. За время существования выставки фонд одежды пополнился 35 казахскими костюмами. Одно из мужских одеяний — подарок бывшего ректора Оренбургского государственного аграрного университета, профессора С.А. Соловьева (ныне заместитель председателя правительства — министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности Оренбургской области), вручённый ему коллегами из Уральска.

Среди женских нарядов выделяется платье, подаренное моим бывшим студентом агрономического факультета Джамбулом Танатаровым, сегодня занимающим должность председателя СПК колхоза «Заветы Ленина» в селе Романовка Пономарёвского района. Украшают экспозицию казахские лоскутные подстилки — курпешки, музыкальные инструменты — домбры.

Богатый фонд драгоценных украшений — разнообразные броши и кольца — позволяет говорить о высокой степени развития ювелирного дела в Казахстане. Особенностью казахских ювелирных изделий является то, что практически все они

Кубланова Разия,
Казахстан, 1950 г.

свекрови за покровительство и доброе отношение к невестке. Обычай ношения этого перстня был распространён главным образом в Западном Казахстане.

Представленный разнообразный фонд научной и художественной литературы ярко иллюстрирует историю, традиции, обычаи неповторимой казахской цивилизации. Студенты аграрного университета имеют возможность воочию убедиться в гениальности творений великих представителей казахского народа, таких как Абая Кунанбаева, Кудайбергена Жубанова, Сабита Муканова, Кима Серикбаева и других. Современные учебники по истории Казахстана позволяют расширить представление об этой азиатской стране, по-новому

связаны с определёнными видами костюма и имеют возрастные разграничения. В жизни казахской женщины ювелирные украшения играют существенную роль, поскольку в них воплощаются вечное тяготение человека к прекрасному, надежда на счастье, вера в чудодейственные силы природы, способные защитить от недугов, бед и зла. Интереснейший экспонат выставки — украшение для рук, характерное лишь для женщин пожилого возраста, а именно массивные перстни с шинками на два пальца — кудаги жузик (кольца свах). Надеваясь на два пальца сразу, перстень символизировал соединение жизней двух молодых людей. Иногда такие перстни дарил сваха

Бахган Дерижалимов,
Оренбург, 1950 г.

Жители села Жаильма,
Буртинский район, 1952 г.

культур. И выставка, освещая особенности казахской культуры, в значительной степени убеждает её посетителей в том, что казахи не только самобытная нация, но и неотделимая часть русского народа».

Инициатором «объединительных процессов»

оценить процессы взаимовлияния русской и казахской культур. Всевозможная литература на русском и казахском языках позволяет познакомиться с национальной кухней Казахстана, узнать, как готовятся аппетитный бешбармак, блины с творогом и изюмом, пироги, лепёшки «жетнан» и другие яства.

По словам студента экономического факультета Н. Маратканова, «выставка «Казахи Оренбуржья: прошлое и настоящее» стала неотъемлемой частью жизни молодёжи ОГАУ, поскольку Оренбургский государственный аграрный университет является многонациональным учебным заведением, и проблема толерантности может быть решена только в процессе диалога

в аграрном университете является кафедра истории Отечества во главе с Аллой Владимировной Фёдоровой. Здесь ежегодно организуются историко-этнографическая выставка и межвузовская студенческая научная конференция, посвящённая вопросам истории, культуры и быта казахов. Традиционным стал фестиваль казахской культуры, на котором студенты читают стихи, исполняют песни на казахском языке, демонстрируют сценки многогранной и насыщенной казахской жизни,

Работники фермы
№ 1 с. Ручьевка
Первомайского района,
1955 г.

Сёстры Нургалиева Салиха и Мунова Мися, 1958 г.

Две девушки.
Аксай, 1963 г.

дегустируют национальные блюда. И интерес к этим мероприятиям проявляют студенты и преподаватели разных национальностей и вероисповеданий, учёные и общественность Оренбурга.

Много лет действует семинар казахской истории и культуры. Активное участие в нём принимает заместитель директора Центра документации новейшей истории Оренбургской области Т.С. Панина, помогая студентам выявлять уникальные документы из жизни казахов Оренбуржья прошлых лет. Постоянным гостем ежегодных

семинаров стала и Л.С. Панина, кандидат филологических наук, доцент Оренбургского государственного педагогического университета. Её доклады главным образом посвящены пословицам казахского народа. Лидия Сергеевна отмечает похожесть русских и казахских пословиц, которые образно передают разные ситуации из жизни людей. Ещё один филолог ОГПУ – аспирант кафедры русской литературы Хазина Мусафаровна Жунсугурова тоже не один раз принимала участие в семинаре, который стал уже

давно межвузовским мероприятием, поскольку в нём участвуют учёные и студенты аграрного и педагогического университетов, оренбургского института Московской государственной юридической академии.

Всё это помогает молодым людям не только проникнуться историей соседнего народа, но и сформировать в себе чувство уважения к молодёжи других национальностей.

Фото из личной коллекции А.В. Фёдоровой и с университетской выставки

Умарова Айгенже

Алла ПРОКОФЬЕВА

«КАЗАХСКИЕ ПОВЕСТИ» В.И. ДАЛЯ

Алла Георгиевна Прокофьева родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт. Доктор педагогических наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы, заведующая литературно-краеведческой, научно-исследовательской лабораторией ОГПУ, автор более 150 научных работ, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», награждена памятной медалью «К 100-летию М.А. Шолохова».

В оренбургский период (1833 — 1841), время интенсивной творческой деятельности писателя, Далем были созданы наиболее значительные художественные произведения: он продолжил работу над циклом сказок (в Оренбурге им было написано ещё 16 сказок), начал писать повести («Бедовик», «Павел Алексеевич Игривый», «Вакх Сидоров Чайкин», «Мичман Поцелуев, или, живучи, оглядывайся», «Гофманская капля» и др.), рассказы и очерки («Уральский казак», «Осколок льду», «Охота на волков», «Рассказ Грушина» и др.), притчи. Некоторые из рассказов и очерков, посвящённых жизни российской провинции, Даль объединял в циклы: «Картины русского быта», «Новые картины русского быта».

В творчестве писателя этого периода можно выделить «восточные» повести и очерки, написанные о жизни, быте и нравах киргиз-кайсаков (так называли в XIX веке казахов),

башкир. Особо стоит отметить повести «Бикей и Мауляна», «Майна» — это первые художественные произведения в русской литературе, в которых описана жизнь казахов; они созданы на основе оренбургских впечатлений, что неоднократно подчёркивается Далем в своеобразных авторских замечаниях.

Служба на востоке России, в пограничном крае, научные изыскания писателя, проводившиеся им в Оренбурге, вызвали у Даля особый интерес к этнологическому материалу, широко вводимому в ткань этих художественных произведений, определили документальность повествования.

Оренбургский материал сам Даль в произведениях распределяет по нескольким группам: архивные документы, чиновничьи справки, рассказы и письма очевидцев, увиденное лично автором или известное ему как жителю Оренбургского края.

Вторая глава повести «Бикей и Мауляна», например, начинается с указания о том, что «в архиве канцелярии оренбургского военного губернатора хранится, при одном деле, между прочим, бумага, на полях которой помечено собственною рукою тогдашнего военного губернатора следующее: «Написать о сем обстоятельстве в Азиатский департамент и упомянуть, что, по сим и другим сведениям, в Хиве должны находиться до 2-х тысяч человек русских пленников. Сделать выписки из подписей и повестить об участи сих несчастных в те места, отколе они показывают себя родом. Перед выходом каравана изготовить ответ на

письмо сие, в виде объявления, и без подписи, коим уверить пленников наших, что правительство печётся об их освобождении; послать, по просьбе их, тельные кресты и евангелие, для подкрепления веры и надежды страдальцев. — Доставившему письмо сие, сыну старшины Танинского рода, Гассановского отделения, Исянгильдия, старшине Бикейю, выдать из сумм, на сей предмет имеющихся, сто рублей и пять аршин алого сукна на чекмень».¹

Указав на реальный источник, послуживший толчком для создания произведения, Даль, обращаясь напрямую к читателям, комментирует документ, ещё раз подчёркивая достоверность факта: «Читатели видят, о чём идёт речь: Бикей Исянгильдиев доставил переданное ему через верного кайсака из числа кочующих за рекою Сыр (Сыр-Дарья) письмо от русских пленников из Хивы. Убедительные жалобы и просьбы, полуграмотным языком изложенные, трогают и сокрушают в холе и довольстве проживающего читателя и заставляют призадуматься над тем, что мы называем обыкновенно судьбою человека».²

О достоверности факта свидетельствуют и приведённые писателем детали: «Письмо было писано на выложенной русской бумаге приготовленной на клею сажею, вместо чернил; свёрнуто трубкою, измято во множестве переломов; зашито в ветошку и во многих местах протёрто, так что иных слов даже нельзя было и разобрать».³

Не довольствуясь этим, писатель

знакомит читателя и с данными, собранными «оренбургским пограничным начальством», о пленении русских за период в более чем 70 лет: «...с 1758 по 1832 год увлечено в плен киргиз-кайсаками с оренбургской линии 3 797 человек; ...средним числом около 52 человек на год. Из этого числа возвращено, отбито, выкуплено и бежало, в течение 73 лет, всего 1 154 человека».⁴

В повести «Майна» Даль, основываясь на собственном опыте, своих знаниях как оренбургского чиновника, пишет: «Кайсаков оренбургского ведомства, Малой и половины Средней орды, должно быть, по всем сведениям, более миллиона душ обоего пола; я бы сказал: взгляните на карту, если бы у нас была годная карта этих стран...».⁵

Строгое следование реальным фактам проявляется в частом обращении к цифровым данным. Например, рассказывая о том, как появляются киргизские нищие, писатель отмечает: «Полинейные кайсаки вообще так бедны, что на 20 тысяч кибиток, зимующих от Гурьева до Звериноголовска, на протяжении 1 850 верст, считают кругом по пути душ обоего пола на кибитку и притом только по семи голов рогатого скота, по пяти лошадей, по одному верблюду, по сту баранов...».⁶

Сам Даль следование действительным фактам считал главным достоинством своих восточных повестей, особенно «Бикея и Мауляны»: «Скажу, однако, о рассказе, на всякий случай, вот что: не только все главные черты его взяты из подлинного дела, но мне не было даже

никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоятельства, вплетать какую-нибудь выдумку; всё происшествие рассказано так, как было...».⁷

Вследствие такого подхода писателя к жизненному материалу сюжеты повестей непритязательны. В повести «Бикей и Мауляна» рассказано об убийстве Бикея, преуспевающего сына степного киргиза-богача, братьями-завистниками и судьбе его жены Мауляны. Сюжет основан на действительном факте – в Государственном архиве Оренбургской области до сих пор хранятся документы Пограничной комиссии об этом преступлении (ГАОО, ф. 6, оп. 10).

В повести «Майна» речь идёт о замужестве главной героини и её приключениях, предшествующих ему.

Не сюжеты, не изображаемые события и даже не характеры героев являются главными в повестях В. Даля – в центре города и селения Оренбургского края и соседних территорий, быт и нравы проживающих там людей.

Эта особенность «казахских» повестей Даля свидетельствует о принадлежности их к произведениям «натуральной школы».

Следуя правилам этой «школы», Даль большое внимание уделяет описанию быта и нравов киргиз-кайсаков, чья жизнь стоит в центре повестей.

В повести «Майна» писатель подчёркивает, что «оседлую жизнь кайсак почитает величайшим бедствием в мире». Даль приводит пример, как степной кайсак «хотел подарить чем-нибудь оренбургского гостя своего и

предложил ему кибитку», удивляясь тому, что его гость даже летом живёт в доме, а не в кибитке. Продолжение разговора кайсака и оренбуржца звучит анекдотично:

«– И на лето не ставишь кибитки?»

– Нет, не ставлю.

– А из дому в дом перебираешься иногда?»

– Случается.

– Ну так возьми верблюда у меня, чтоб было на чём перетаскиваться.»

Эту сценку Даль предваряет размышлением о том, «до какой степени расходятся понятия дикарей, не выдавших никогда нашего образа жизни, с нашими понятиями».⁸

В то же время в произведении не проявляется чувства превосходства цивилизованного человека над «дикарями». Автор пробует объективно оценить свои наблюдения: «Народ этот, при всей грубости своего невежества, и чёрствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишён природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей».⁹

К приёму сопоставления жизни, быта, нравов жителей Востока и Запада писатель прибегает часто. Сравниваются не только жилища, но и одежда, причёска, украшения. С долей иронии обращается автор-рассказчик к читателям повести: «не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из филармонической залы, с пышного придворного бала...».¹⁰

Самому же автору облик кайсачки кажется приятным: «свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц...»

Писателю интересно сопоставление состязаний, игр у разных народов. «Борьба кайсаков и башкиров почти одинакова; но она не походит на борьбу русскую. Под силки не берутся, подножку не любят и не знают; а закинув друг другу пояс за поясницу, заматывают каждый в него обе руки, упираются один в другого правыми плечами и возятся, что медведи, иногда четверть часа на одном месте».¹¹ Особое внимание в повестях уделяется скачкам («после еды и обжорства четвероногие обитатели степей кони – первые действующие лица, а люди уже второстепенные...»), состязаниям молодого парня с «отборною молодецкою девкою на лихом скакуне».

Нередко Даль, начиная с сопоставления обычаев, нравов европейцев и азиатов, переходит к анализу жизненных устоев, деятельности властных структур у кайсаков – ханской власти в степи, роли «баранты» в организации правосудия: «Кайсаки до того ненавидят правосудие наше, наши обряды судопроизводства, что предпочитают им всякую домашнюю расправу, лишь бы обвиняемому... не тягаться месяцы и годы, не сидеть, ожидая медленной, томительной переписки, в каком-нибудь гнилом остроге...»; «... суд и расправа всех мусульманских народов основываются на

законе, на коране; ...но нигде это не соблюдается менее, чем у кайсаков, которые неохотно признают над собою власть, а самоуправство предпочитают всякой иной расправе.»¹²

В повести «Бикей и Мауляна» подробно рассказывается об обычае кайсаков просватывать дочерей ещё в малолетстве, чтобы получить за них калым («отдать девку замуж без калыма... почитается... величайшим бесчестьем»); об отношениях жениха и невесты (их поведении, встречах, «говорящем» убранстве и особых подарках), своеобразной подготовке жениха к семейной жизни: «Надобно знать, что у киргизов всякий муж должен припасать детскую зыбку вновь, для каждого новорождённого своего, сам; люлька эта выгнута из прутьев, походит на небольшую кукольную койку... Делать зыбку, значит, быть независимым, иметь жену и хозяйство».¹³

В.И. Даль подчёркивает, «как древни бывают иногда обычаи народные», приводя в пример обычаи отдавать замуж вдову за брата умершего — обычай, по замечанию писателя, описанный Плано-Карпини, ездившим в 1246 году по приказанию папы через Россию к татарам и монголам.

Не только с художественным, но и с научным интересом писатель прослеживает происхождение тех или иных обычаев, даёт им пояснения: «У кайсаков есть монгольский или калмыцкий обычай, который встречаем также у полукочевых башкиров, но которого не знают другие мусульманские народы, да-

вать имя новорождённому по произволу, с первого встречного предмета или понятия... Имя Исянгильди — в переводе: добро пожаловать, здорово пришёл; Кунак-бай — значит богатый друг, но Жан-Кучук, душа-собака, собачья душа, есть клочка, достойная негодяя...»¹⁴

Поражает Даля и другой обычай: «Никогда мусульманин не чтит мать свою, не считает обязанностью ей повиноваться: он видит в ней ту же рабыню, то же жалкое существо, созданное для нужд и прихотей отца, которое видит и во всех других женщинах».¹⁵

Сам писатель придаёт особую значимость таким описаниям, считая их важными для характеристики героев («Если знать коротко быт степных кайсаков, если войти в обычаи и понятия их, то можно и должно оправдать Бикейя...»¹⁶)

Внимателен Даль и к поэтическому творчеству восточных народов, видя в нём проявление духовной жизни изображаемых людей. Писатель сопоставляет турецкие, татарские, башкирские и киргизские песни, отмечает, что смысл в них обычно заключён в четвёртом стихе. Отличие киргизских песен он видит в том, что киргизы обычно поют «наобум, о том, что у них в глазах: постёгивая нагайкой по тебенькам седла своего, покачиваясь взад и вперед, тянет кайсак полчаса сряду плачевным напевом: тау, агач, су, урман, тюэ — то есть: гора, дерево, вода, лес, верблюд, доколе ему не взбредёт на ум иной предмет или слово».¹⁷

Далю, как лексикографу, были интересны языковые особенности

разных народов, в том числе и казахов. В повести «Бикей и Мауляна», рассказывая о Бикее, видящем в степи «мерцающую обманчивой водою даль», писатель размышляет о том, как по-разному называется это явление на разных языках: «...на поэтическом языке древнего Тибета столь выразительно называется жаждою сайги, у арабов сераб, у кайсаков мунар, у французов и русских — мираж, а у — извините — нашего простолюдина: марево».¹⁸

Для передачи экзотики писателем введено в текст повестей много слов восточного происхождения (баранта, батырь, курсук, кун, кади, калым, кунак, чекмень, байгуши и др.), пословиц и поговорок («Нужда придёт, работа не уйдёт: на голодного коня травы в поле много, на долгую твою работу дней у бога много»; «Тутовому дереву хорошо расти в ханском саду», «Богатому всюду хорошо, а бедному везде худо»).

Обращение В.И. Даля в «казахских повестях» к архивным до-

кументам, этнологическому материалу позволило писателю создать самобытные произведения, ценные как художественные исследования жизни, быта, нравов, фольклора казахов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В.И. Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. — Оренбург, 2001. — С. 227 — 228

² Там же. — С. 228

³ Там же — С. 228

⁴ Там же. — С. 229

⁵ Там же. — С. 292

⁶ Там же. — С. 214

⁷ Там же. — С. 239

⁸ Там же. — С. 294

⁹ Там же. — С. 294

¹⁰ Там же. — С. 248

¹¹ Там же — С. 246

¹² Там же. — С. 235

¹³ Там же. — С. 226

¹⁴ Там же. — С. 232

¹⁵ Там же. — С. 225

¹⁶ Там же. — С. 225

¹⁷ Там же. — С. 217

¹⁸ Там же. — С. 257

Инна Каримовна Зубова родилась в Ленинграде, детские годы провела в Оренбурге. Окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. В Оренбурге с 1986 года. Кандидат физико-математических наук, преподаватель Оренбургского государственного университета, краевед, автор и соавтор (вместе с Г.П. Матвиевской) нескольких книг, публикаций о творчестве и жизненном пути В.И. Даля. Постоянный автор альманаха «Гостинный Двор», лауреат премии «Оренбургская лира» (2002).

Инна ЗУБОВА

«БИКЕЙ И МАУЛЯНА» – «СТЕПНЫЕ» РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Владимир Иванович Даль приехал в Оренбург в качестве чиновника особых поручений при военном губернаторе В.А.Перовском в 1833 году. Через три года в журнале «Библиотека для чтения» появилось одно из его лучших художественных произведений — повесть «Бикей и Мауляна», первое в русской литературе произведение о жизни казахов, называвшихся тогда киргизами или киргиз-кайсаками.

Повесть эта и по сей день остаётся, пожалуй, самым известным и популярным произведением Даля-писателя. История любви «степных» Ромео и Джульетты пленила современников и давно уже высоко оценена нынешними литературоведами. Эта повесть имеет большую этнографическую ценность, поскольку в ней подробно рассказывается о казахах, их обычаях и обрядах, об их приездах в пограничный Оренбург, об отношениях русских чиновников к ним. В повести читатель видит не только чудесные портреты двух главных

героев, но и изображения многих людей, с которыми представителям оренбургской администрации приходилось регулярно встречаться по делам службы. Главное достоинство повести — в её достоверности. Сам Даль писал: «...всё происшествие рассказано так, как было, и было в точности так, как рассказано» [1, с.140]. «Я пишу не сказку, а быль», — не раз напоминал он читателю по ходу повествования.

В повести описана трагедия, разыгравшаяся в семействе аксакала Исянгильды Янмурзина — одного из старшин богатого казахского рода, известного миролюбием и спокойствием в сосуществовании с уральскими казаками. У старшины было три жены и много детей. Одну из дочерей от первого брака просватали и получили за неё калым, но она умерла, не успев выйти замуж. Нужно было вернуть калым или отдать жениху другую невесту, а у первой жены Исянгильды взрослых дочерей больше не было. Тогда она уговорила мужа отдать дочь от его умершей к тому времени второй жены. Таким образом, как пишет Даль, «отдали птенца из второго гнезда, а калым за него остался в первом» [там же, с. 113]. Родных братьев и сестёр девушки при этом не только ограбили. Для них было позором то, что сестру фактически выдали замуж без калыма, «как рабыню или неверную». И когда повзрослел её брат Бикей, он восстал против несправедливости отца, стал требовать, чтобы имущество, полученное когда-то в виде калыма, было отдано ему и другим детям его матери.

«Старик Исянгильды, слыв-

ший мудрым и справедливым, когда судил и рядил чужую расправу, в собственном своём деле погрешил и покривил, а потом уже сознаться и исправить беды не хотел» [там же], — пишет Даль. Между отцом и сыном возникла вражда, причём на стороне отца, разумеется, были его сыновья от первой жены. Однажды, во время очередной ссоры, отец потребовал непокорного сына к себе. За Бикеем поскакали старшие братья и убили его, поскольку он не хотел ехать с ними. Когда же известие о происшествии дошло до Оренбургской пограничной комиссии, убийцы объясняли, что Бикей, пытаясь ускользнуть от них, упал со споткнувшейся лошади и случайно нанёс себе смертельную рану собственной саблей.

Даль рассказывает о том, как расследовалось это дело, и о том, в каком затруднительном положении было руководство края. Недопустимо было как полное бездействие, так и слишком суровое отношение к подозреваемым. Решено было принять следующие меры: старшине Исянгильды и его родственникам объявить, что они состоят под подозрением в убийстве и предложить им доказать свою невиновность. До этого отрешить старшину от должности дистанционного начальника над линейными киргизами четвёртой дистанции. Предписать султану-правителю надзор за поведением подозреваемых и покровительство вдове Бикей.

Это было единственно возможное решение, которое, конечно, не могло остановить начавшейся семейной вражды.

Жена Бикей, красавица Мау-

ляна, вышедшая за него замуж по любви и собственной воле, ненадолго пережила его. «Она... умерла от оспы летом 1832 года, менее года после убийства мужа, на 22-м году от рождения своего» [там же, с. 236], — такими словами Даль закончил свою повесть.

В Государственном архиве Оренбургской области хранится дело «Об убийстве старшиною Исянгильды Янмурзиным сына своего Бикея». ² Познакомившись с ним, нетрудно убедиться, что Даль и в самом деле описал реальный случай, что документы, лежащие в этой папке, действительно дали ему такой сюжет, для которого уже не было необходимости ничего придумывать. В 1937-м или 1939 г. кто-то из работавших в нашем архиве учёных написал на обложке: «Настоящее дело послужило темой для написания Далем повести «Бикей и Мауляна».

Большинство документов из этого дела представляют собой переписку председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса и военного губернатора П.П. Сухтелена.

В своём первом рапорте по делу Бикея, от 22 сентября 1831 г., Генс сообщает, что трагедия случилась, вероятно, 5 сентября. Сообщил о ней в Оренбургскую пограничную комиссию 11 числа полковник В.О. Покотиллов, сам ещё не веря, что подобное могло случиться. Однако слухи об убийстве уже дошли до Генса через киргизов, приезжавших в Оренбург.

Три следующих рапорта — от 1 октября, 2 и 6 ноября — содержат подробности, которые удалось узнать в ходе расследования. Здесь

можно прочитать о том, как поступил Исянгильды, узнав о смерти Бикея. Отец пришёл в ужас и решил, что, потеряв одного сына, он должен спасти остальных. Он «разрезал у умирающего сына грудь и окровавленную руку поднёс к губам, объявляя предстоявшим, что ненависть их к умершему удовлетворена, но чтобы они не беспокоились о последствиях, ибо он сам сделался убийцею сына и должен ответственность за всё» [2, лл. 5-5 об.]. Этот эпизод в документе, пожалуй, выглядит страшнее, чем в повести. Описывая его, Даль немного смягчил краски. В документах подробно пересказываются показания Исянгильды Янмурзина. Отец говорит об убитом сыне как о своём враге и обидчике, утверждает, что Бикей похищал у родственников лошадей и баранов, грозил отцу, ругал его, а однажды вообще чуть не убил. Старик также настаивал на том, что сын нечаянно убил сам. Жена же Бикея утверждала, что всё это клевета и что муж её убит братьями. Проверить показания было невозможно. Даже освидетельствовать убитого не удалось: тело его было захоронено к моменту, когда на место происшествия приехали посланные для расследования.

Всё случившееся вызвало большую тревогу в Оренбургской пограничной комиссии. «Старшина Исянгильды Янмурзин, — пишет Г.Ф. Генс, — есть богатейший из оренбургских киргизов, и Асановское отделение Танинского рода, им управляемое, отличается благосостоянием и спокойствием... Преследование на основании законов

подозреваемых по сему делу людей встревожит не только 88-летнего старца Исянгильды, но и всех детей и богатых родственников его, которые принуждены будут откозывать от линии в степь, ... присоединиться к шайке мятежников Каип-Галия, которою они по богатству их будут приняты с усердием. Естественно, что таковое усиление сей шайки... причинит беспорядки на линии» [там же, лл. 5 об. — 6].

С другой стороны, председатель Оренбургской пограничной комиссии обращает внимание военного губернатора на то, что в этом деле «беззащитная женщина, вдова убитого, не имеющего ни свидетелей, ни в распоряжении своём имения» [там же, лл. 6, 6 об.], противостоит богатой семье с крепкими связями. «Таковая безуспешность следствия, — подчёркивает Генс, — была бы крайне невыгодна, ибо народ, наверное, полагал бы, что виновные оправдались посредством подкупа свидетелей» [там же, лл. 6 об. — 7].

О том, что и военный губернатор весьма серьёзно отнёсся к происшедшему, говорят его пометки на документах и то, что 11 ноября 1831 г. он подробно изложил все обстоятельства дела в рапорте главе Азиатского департамента Министерства иностранных дел К.К. Родофиникину.

В последних двух небольших документах дела упоминается Мауляна, которая после гибели мужа находилась под опекой султана-правителя Баймухамеда Айчувакова. Он и добивался от Исянгильды Янмурзина, чтобы тот выделил ей определённую часть имущества. Г.Ф. Генс и П.П.

Сухтелен, как следует из документов, следили за тем, чтобы это было исполнено.

В самом последнем документе упоминается также «вторая жена» Бикея, которой считалась «малолетняя девица, сестра умершей по уплате калыма невесты Бикея, которая, по обычаям киргизов, должна была заменить умершую» [2, л. 25 — 25 об.]. В повести Даля о ней ничего не сказано, но говорится о том, что Бикей женился против родительской воли, и что была у него до Мауляны невеста Дамиля. Семейство получило за неё калым и не хотело его возвращать, поэтому отец требовал, чтобы Бикей взял вторую жену, но сын не соглашался, потому что никто, кроме любимой Мауляны, ему был не нужен. «И там, за Яиком, .. прорывается иногда это влечение, это чувство, которое уносит человека далеко-далеко, выше всех известных нам созданий, — говорит Даль по этому поводу. — Иногда... в кои веки раз, так же точно, как и у нас...» [1, с. 186].

Читая повесть, мы видим, что Даль пользовался этим архивным делом. Местами он пересказывает и даже цитирует некоторые его документы. Однако основой для повести послужило не только дело. События, описанные в этом и других «оренбургских» произведениях Даля, были известны ему и со слов очевидцев. Он приехал в Оренбург, когда история Бикея и Мауляны была ещё свежа в памяти, и ему могли рассказать о ней сослуживцы, в первую очередь Г.Ф. Генс и атаман Уральского казачьего войска В.О. Покотиллов. Прав-

да, события, описанные в повести, произошли ещё при его предшественнике на этом посту, атамане Д.М.Бородине. К нему вдова Мауляна приезжала искать защиты от родных мужа. Они, согласно обычаю, собирались отдать её в жёны брату Бикея, Джан-Кучуку, которого Мауляна считала главным убийцей! Приезд казахской красавицы в Уральск, её разговор с атаманом, а затем и с военным губернатором П.П. Сухтеленем в Оренбурге, был, как говорится в повести, памятен многим.

Множество подробностей Даль узнал и от людей, близких его героям, поскольку его связывали с ними добрые отношения. Об одном из этих людей Даль пишет в первой главе своей повести: *«Султан Кусяб Гали, старшина одной из дистанций понизовых кайсаков, принадлежащих к западной части орды – правителя Баймухамеда Айчувакова, сидит сейчас у меня... Хочу пересказать вам то, что султан Кусяб мне говорил о причинах глубокой вражды отца и сына; а султан Кусяб женат на родной сестре Бикея... следовательно, дело ему известно»* [1, с.112]. Имя султана Кусяба неоднократно встречается в переписке Даля. Это был один из тех казахских старшин, с которыми оренбургским чиновникам приходилось особенно часто общаться. Он участвовал в чествовании приезжавшего в Оренбург в 1837 г. наследника престола цесаревича Александра, о нём упоминает Даль в письмах Н.И. Гречу, о нём по-приятельски вспоминает в одном из писем Дально И.В. Виткевич. Из

бесед с Кусяб-султаном и, вероятно, другими казахскими старшинами узнал Даль то, о чём не могли рассказать документы, например, каким на самом деле был Бикей – весёлым, несколько легкомысленным, бесшабашным и смелым юношей, человеком широкой души. Он *«был любим русским начальством за прямоту и какой-то вид образованности»* [1, с.137], дружил с уральскими казаками, нередко оказывал им разные услуги. Это подтверждают и документы. Даль, например, ссылается и на другое дело из архива канцелярии оренбургского военного губернатора, связанное с русскими пленниками в Хиве. В нём сообщается, что Бикей доставил в Оренбург письмо от этих пленников, переданное через кочующих за Сыр-Дарьёй казахов, и был за это награждён по распоряжению начальства (об этом см. также в статье А.Г. Прокофьевой «Казахские повести» В.И. Даля», публикуемой в этом издании).

Даль начал писать повесть еще в 1833 г., то есть сразу после своего приезда в Оренбург. Можно только удивляться, как удалось ему за столь короткий срок так глубоко понять живущих здесь людей, настолько проникнуть в психологию народа, отнестись к нему без снисходительности, с уважением и пониманием как самых высоких чувств и устремлений человека, так и самого низменного в нём.

Повесть заканчивается рассказом о приятеле автора, от которого он узнал, как умирала от оспы, повторяя имя Бикея, легендарная красавица Мауляна. Свидетелем её смерти был бесстрашный человек, который

не боялся подходить к больным, брошенным соплеменниками в степи из страха перед заразой, разговаривать с ними, облегчать страдания умирающих. Ему посвящена почти целая страница. Даль пишет: *«У меня есть в Оренбурге товарищ, знакомый, близкий человек, которого я крайне люблю и уважаю. Он из числа людей, коих большею частью называют чудаками, и это поделом: они всегда пекутся только о благе и добре чужом, а сами вечно ни при чём; кричат и надрываются, коли честный человек, который взял место для того, чтобы оно его кормило, – коли этот честный человек, из скудного жалования своего, высиживает небольшие домиски; приятель мой человек, который, не взирая ни на чин, ни на место, ни на звание кричит вслух, по улицам и на базаре, что такой-то вор, а такой-то плут, а такой-то мошенник; оно иному, знаете, и неприятно. Он вообще всё делает по-своему; люди ездят по линии, по большой битой дороге, да водят за собою целый поезд конвойных; а он всю степь, вдоль и поперёк, прошёл один, припевая: «А и первый товарищ мой добрый конь, а другой мой товарищ калёна стрела...». Он много занимается, читает, особенно путешествия, любит сам быть вечно в разгоне; чем дальше и глубже в новую и не известную ему доселе страну, тем лучше. Он выучил-*

ся азиатским языкам, знает и братается со всеми нехристями, так что мы его зовём татаринном, хотя и мусульмане ещё его бранят кяфыром. Я слышал сам, как русские называли его поляком, и слышал, как поляки честили его москалём...» [1, с.233-234].

Кто этот замечательный человек? Всё, что Даль говорит об отваге, честности, принципиальности друга, о его любознательности, образованности, любви к путешествиям, знакомстве со степью и степняками, указывает на яркую личность Ивана Викторовича Виткевича.³

Это был один из первых людей, встреченных Далем в Оренбурге, которые помогли ему в его этнографических исследованиях. В результате этих исследований родились повести «Бикей и Мауляна», «Майна», «Осколок льду», «Башкирская русалка» и другие.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Бикей и Мауляна. Повести, рассказы, очерк/ Послесловие М.Чванова. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1985.

² ГАОО, ф.6, оп. 10, № 3795 («По представлению председателя Оренбургской пограничной комиссии об убийстве старшиною Исянгильды Янмурзиним сына своего Бикея»).

³ Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова. «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...»/Письма И.В. Виткевича к В. И. Далю//Альманах «Гостинный Двор». – Оренбург, – 2005. – № 16. – С. 298-312.

цией и крестовыми походами или в XX веке, когда в Европе — самой цивилизованной части света, прошли две кровопролитнейшие мировые войны?

Идея Бога и возникла на основе несовершенства человека, на основе противоречивости его бытия.

К сожалению, экзистенциалистов Сартра, Камю не читал, но слышал о них ещё в 60-х годах. Антирелигиозную работу «Сущность христианства» Людвига Фейербаха имел в своей библиотечке. Фейербах критикует очеловечивание Бога. Но более резкую разборку Библии осуществил Лео Таксиль в книгах «Забавная Библия», «Забавное Евангелие». Христианство можно критиковать, но и можно этой религией восхищаться.

Какие муки перенесли первохристиане при Нероне, описанные в романе Генриха Сенкевича «Камо грядеши»? А какая великолепная культура создана благодаря вере в Христа! Чудесные соборы, превосходнейшая живопись, божественная музыка... Наша русская письменность, на которой созданы шедевры мировой литературы, например, «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Тихий Дон», появилась на Руси по причине её крещения.

Верующие крепче держатся в жизни, у них есть опора — это вера

во всемогущего Бога. Недавно прочитал в одной центральной газете, что английские учёные осознали полезность религии для человечества.

Большинство людей не понимают самого главного — а это соучастие, содействие собственной судьбе. «Человеку, который сам себе не помогает, никто помогать не будет» (из статьи Е.М. Новиковой).

Здесь я не совсем согласен. А разве не помогают нам, мужчинам, любящие нас женщины, верные друзья? Судьба, рок, фатум — это, по моему, такое стечение обстоятельств, когда ничто не может их изменить в нашу пользу. На такие случаи есть поговорка: «Жизнь или лебен, или ви — Сволочь, как ни назови».

Есть сильные творческие люди, которые победили судьбу. Я ещё не встречал человека, который любил бы классическую музыку, но ему не нравился бы Людвиг ван Бетховен. Гениальный глухой композитор говорил: «Я возьму судьбу за глотку». В альманахе «Гостинный Двор» (№26) помещены хорошие стихи Ани Ганюшкиной. А ведь она через творчество не склонилась перед судьбой. Я горжусь своей землячкой. Она, как и я, из Сакмарского района. Memento mori — помни о смерти, создай, твори, пока её нет — и ты продолжишь своё бытие в духовности общества.

Александр Евгеньевич Исковский родился в 1964 г. в Оренбурге. Окончил Оренбургский государственный медицинский институт. Врач-реаниматолог. Увлекается историей и краеведением, автор справочника «Домовладельцы города. Оренбург, 1878 г.», публикаций в альманахах «Оренбургская старина», «Гостинный Двор». Живёт в Москве.

Александр ИСКОВСКИЙ

ДАША КРОНШТАДТСКАЯ. ПОБЕГ ИЗ ОРЕНБУРГА

Провинциальный и пыльный Оренбург начала XX века жил своим неторопливым, наполовину азиатским, порядком. Медленно и величаво проходили по Гостинодворской¹ и Водовозной² улицам караваны верблюдов с товарами из Бухары, Хивы. Гортанные звуки погонщиков утром будили обывателей, сообщая им о прибытии новой партии восточных тканей, специй, ювелирных изделий и многого другого. Торговля начиналась рано, двери магазинов открывались навстречу покупателям и прохладному утреннему воздуху.

Гудки паровозов, проезжающих железнодорожный мост через реку Урал, пугали лошадей и верблюдов, стоящих у водопоя и возле весов, на которых производилось взвешивание привезённых товаров. На берегу Урала дымили трубы заводов, мастерских и мелких фабрик.

Вполне спокойная и неторопливая картина жизни небольшого города,

похожего на многие другие в огромной Российской империи. И всё же Оренбург, как пограничный с Азией и укрепленный город, удаленный от столицы, оставался местом ссылки не только каторжан, но и «неблагонадежных» в политическом смысле. Оренбург помнит Тараса Шевченко, Владимира Даля (псевдоним — Казак Луганский), прожившего в городе 8 лет, а также сотни польских повстанцев и студентов различных институтов, сосланных в разные годы под гласный надзор полиции. Оренбургской жандармерии во все времена хватало работы. Уголовные дела были лишь частью огромной массы незаметной для посторонних глаз работы сыска, наблюдения, сбора агентурных сведений, переписки и сопоставления различных происшествий. Агентурная сеть была разветвленной, негласными агентами были сотрудники почтовых отделений, приказчики, продавцы, извозчики, рабочие и крестьяне.

Война с Японией в 1904 году, события 1905-го, восстание 1906 года подтолкнули сознание людей к массовому проявлению несогласия с существующим режимом.

Последствия массовых волнений дошли и до Оренбурга. В городе стали появляться прокламации, листовки, среди рабочих — запрещенные газеты.

Жандармерия получала от агентов всё больше и больше сигналов о «недовольных и неблагонадежных».

Начальник Оренбургской жандармерии полковник Бабич 27 февраля 1909 года направляет в С.-Петербургский Военно-окружной суд³ запрос № 1359, в котором

«покорнейше просит распоряжения ... о присылке ... для осмотра в порядке 1035 ст. Уст. Уг. Суд. предварительного следствия о Тауберге и тех вещественных доказательств, где именно записаны адреса Цвирко, Константинова и др.», однако ему было отказано в предоставлении материалов дела.

Дело в том, что носитель фамилии «Тауберг» доставил немало хлопот полковнику Бабичу в 1907 году. А Цвирко и Константинов вообще знакомы Бабичу отменно, совсем недавно они находились в разработке, в так называемом «формальном дознании» жандармерии по ст.102 Уголовного Уложения⁴ и были осуждены судом.

Кто же такие Цвирко и Константинов? И почему они были осуждены?

Как следовало из сообщения С.-Петербургского Военно-окружного суда, Альберт Тауберг, кличка «Карл», был «организатор боевого летучего отряда Северной области партии с.-р.», при обыске у него были найдены тетради с зашифрованными записями, среди которых были оренбургские адреса Цвирко и Константинова. Самому же А. Таубергу суд вынес смертный приговор, и он был казнён 11 мая 1908 года.

Под фамилией Цвирко⁵ полиции была известна Александра Михайловна Цвирко, в девичестве Никольская, 1870 г. р., бывшая в замужестве в 1895-96 гг. за «товарищем Прокурора Годыцким-Цвирко» г. Уральска. Поиски Александры Цвирко, уже тогда находящейся под негласным надзором полиции, начались в марте 1908 года по заявлению её бывшей прислуги, казачки «Буран-

ной станции Оренбургского уезда Анастасии Евгеньевой Игнатъевой»⁶, которая сообщила приставу 1-й части Оренбурга, что в кладовой квартиры по Каретному переулку, где А.М. Цвирко проживала до 24 января 1908 года, «в земле лежит какой-то свёрток». При обыске 11 марта 1908 года в земле был обнаружен бумажный свёрток, в котором лежали три паспортных бланка на имена разных лиц, две свинцовые печати — «Киевское городское полицейское Управление» и «Покровское волостное правление Стерлитамакского уезда Уфимской губернии», план Оренбургской тюрьмы с запиской о месте подкопа, с именами Гессе, Колчанова и Локтева, находившимися в тюрьме в 1907 году, записная книжка «почти вся с зашифрованными записями, цифрами в виде дробей». Сразу же после обыска был объявлен розыск А. Цвирко.

В квартире среди вещей было найдено письмо личного содержания с фотографической карточкой молодого мужчины в военной форме. Дознание жандармского управления в мае 1908 года показало, что на фото изображён штаб-трубач лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка Ильиных, проживающий в Гатчине. Тогда же были расшифрованы и записи «с дробями», оказавшиеся адресами людей в Оренбурге и других городах, паролями.

По мнению уральского военного губернатора генерал-лейтенанта Родзянко Н.В., высказанному полковнику Бабичу 2 апреля 1908 года, «упомянутая особа... оставила на себе внимание всего Уральского общества благодаря одному поступку ро-

мантического характера...» и приезд её в Уральск «едва ли будет соответствовать интересам избранного ею теперь рода деятельности». А. Цвирко искали не только в Уральске, но и в Оренбурге, и С.-Петербурге. Но нашли и арестовали в г. Казани 5 декабря 1908 года.

После расшифровки записей 12 мая 1908 года жандармскому управлению стали известны имена и адреса людей, начались аресты в Оренбурге. Был арестован В.Ф. Барановский⁷ 1872 г.р., известный «деятель местной с.-р. партии», проживавший в доме Комарова в Кириловском переулке⁸, А.А. Константинов 1873 г.р., который жил в доме Мальнова в Успенском переулке, В.И. Скляревич, как принадлежащие к партии социал-революционеров.

В отношении А.М. Цвирко и указанных лиц 5 декабря 1908 года Жандармским управлением было возбуждено дознание по ст.102 ч.1 Уголовного Уложения.

Как оказалось, Барановский В.Ф. имел ранее судимость, А.А. Константинов в 1906 году выезжал в Австрию, Германию и Францию, в документах их именуют «присяжными поверенными».

Расшифрованные пароли удивили полицейских. Некоторые фразы звучали необычно. Например, так называемый «комитетский» пароль был вопросом: — «Кто был у Коробочки?», ответ: — «Гоголь», а на «организационный» пароль «У кого покупал Ноздрёв гончих?» следовало ответить «У Собакевича».

Дознание в отношении А.М. Цвирко (Никольской) показало, что она выполняла обязанности казна-

чая «в Оренбургском Комитете партии социал-революционеров».

24 декабря 1908 года А.М. Цвирко этапировали из Казани в Оренбург в «тюремный замок», где 26 декабря был произведён первый допрос.

На допросе А.М. Цвирко свою вину отрицала и написала прошение на имя прокурора Казанского окружного суда, в котором указала, что была арестована в ноябре 1907 года по предписанию Петербургского охранного отделения⁹, а 21 января 1908 года освобождена, уехала в Самару, где работала в конторе газеты «Волжское слово», 31 мая уехала в Уфу и жила там до октября, оттуда переехала в Казань по личному делу.

Такая география и свобода передвижений настораживает следствие, в Казани повторно 12 января 1909 года производится обыск. В квартире А. Цвирко обнаружено фото, «где снята г-жа Цвирко вместе с членами редакции «Волжского слова», среди изображённых на фото был член 1-й Государственной думы от Самары. Фотография была прислана в Оренбург и приобщена к делу с припиской «ввиду того что Цвирко играла выдающуюся роль в революционном движении».

Барановский В.Ф. 5 января 1909 года также написал прошение на имя начальника Оренбургского губернского жандармского управления, в котором отрицает свою вину и указывает на нелепость обвинения в принадлежности к какой-то партии на основании документа с его фамилией «в случайно найденном списке без указания времени и цели состав-

ления такого списка»¹⁰. Отдельные фразы из прошения Барановского, который занимается адвокатской деятельностью при Оренбургском окружном суде, показывают его как человека образованного и умного: «принимая во внимание особую щекотливость политических дознаний вообще и конструирование обвинения против лично меня в особенности, так как я обвиняюсь в принадлежности к преступному сообществу не на основании определённого по времени и месту преступного деяния, а на основании моей деятельности в прошлом вообще, я считаю необходимым в целях правосудия предъявить мне все улики против меня...»

Через два месяца пребывания в тюрьме В.Ф. Барановский морально сломлен, находится в угнетённом состоянии духа. Он вновь пишет прошение¹¹, где называет себя «политическим заключённым» и практически предлагает жандармам пойти на сделку, а именно выпустить его под денежный залог или поручительство, объясняя своё предложение пошатнувшимся материальным состоянием семьи и обязательствами перед клиентами, чьи дела он вёл до ареста. 8 февраля 1909 года полковник Бабич выносит резолюцию по прошению Барановского с изящной формулировкой: «со своей стороны признавал бы нежелательным изменять в настоящее время принятую против В. Барановского меру пресечения». И у него были на то основания. Совместно с Департаментом полиции к марту 1909 года были получены убедительные доказательства, что убийство товарища (т.е. помощника) про-

курора Оренбургского окружного суда г-на Исаева было подготовлено и осуществлено по «приговору Оренбургского комитета партии социал-революционеров». В состав Оренбургского комитета¹² партии с.-р. входили П.Тарасов, совершивший убийство и казнённый в 1907 году, С.Беркутов (кличка «Валентин»), из крестьян, В.Ф.Барановский, дворянин, Ф.Шамсутдинов, мещанин г. Илецкая Защита, Д. Барботкин (кличка «Дёма»), мещанин, В. Складчиков, дворянин, А. Константинов, мещанин, А.М. Цвирко, дворянка. Понятно, что прошения заключённых удовлетворению не подлежали. Более того, на каждого из них в Полицейском управлении давно собирались материалы. К примеру, на А. Константинова с 1906 года были сведения о его участии 28 мая в сходке крестьян в доме Мешкова в селе Ташла, где Константинов агитировал захватить землю помещика Тимашева «силою», вооружённым способом.

По агентурным сведениям, полученным полковником Бабичем в начале марта 1909 года, «на воле идут приготовления к ... освобождению» Цвирко и других из Оренбургского тюремного замка. Агентура предупредила, что А. Цвирко в тюрьме могут передать самовар, в трубе которого может находиться «маленький браунинг с патронами».

16 апреля 1909 года дознание по делу А. Цвирко и других было окончено, материалы следствия переданы в прокуратуру Оренбургского окружного суда.

Сопоставляя материалы следствия, полковник Бабич обратил

внимание на связь между убийством городского Мусина, которое произошло 14 мая 1908 года у арестантской камеры, где среди прочих содержался Барботкин, и событием 17 мая 1907 года в Александровской больнице г. Оренбурга, из которой была похищена ссыльная молодая девушка, личность которой тогда Бабич установить не смог. Теперь же стало очевидно, что действовала «боевая группа», вероятно, это был А. Тауберг. Сочетание событий и фамилий полковнику Бабичу не кажется случайным....

Начальник Оренбургской жандармерии 26 марта 1909 года вновь знакомится с делом № 200 о похищении и «побеге неизвестной политической женщины»¹³.

Именно вокруг «неизвестной политической» и вследствие её деятельности в 1906 году произошли необычайные события в Оренбурге, задевшие профессиональную честь полковника Бабича. Ведь упустил, «проморгал» опасную и деятельную активистку партии с.-р. именно он, Бабич.

Но всё по порядку. Из С.-Петербургской судебной палаты 24 марта 1909 года начальник Оренбургской жандармерии получает сообщение № 11671, где сообщается «что дела о Тауберге в производстве судебной палаты не находилось и не находится». Как так? Тогда на каком основании и по чьему приговору в 1908 году казнён Тауберг?! Судебный следователь по особо важным делам С.-Петербургского окружного суда Юевич сообщил полковнику Бабичу, что вещественные доказательства находятся в

Военно-окружном суде. Но и в этот раз ознакомиться с ними Бабич не смог.

Среди вещей и бумаг, изъятых при обыске у А.М. Цвирко, Бабич наткнулся на газетную вырезку за 1907 год, без указания названия¹⁴, где сообщалось «о насильственном освобождении из больницы молодой особы». Вновь «особа» и «больница»¹⁵!

Полковник Бабич обращается к материалам дела и находит убедительные сведения, указывающие на причастность А.Цвирко и других «фигурантов» к организации побега из больницы «молодой особы», а также убеждается в использовании украденной из Оренбургской мужской гимназии в июле 1907 года пишущей машинки «Ремингтон» для печатания прокламаций той же группой лиц.

В протоколе повторного обыска¹⁶ на квартире А. Цвирко 8 декабря 1907 года записано: «найжены следующие документы: 1. Вырезка из газеты, по-видимому «Оренбургский край», в которой под рубрикой «Оренбург» сообщается, во-первых, о насильственном освобождении пятнадцатью вооружёнными лицами из Оренбургской губернской больницы 17-го мая неизвестной молодой особы, высланной из столицы, во-вторых, о побеге в ночь на 17-е мая из той же больницы неизвестного политического преступника, доставленного из Ташкента, а в-третьих, об аресте присяжных поверенных Барановского и Константинова за участие в митинге 1 Мая, каковое событие имело место в 1907 году.» Становятся более понятны мотивы

переезда А. Цвирко в Оренбург. В доме Игнатъевой А. Цвирко проживала «как с мужем с Сазонтом Беркутовым, которого называла Валентин, а об имени которого запрещала говорить другим»¹⁷, при этом с мужем разведена не была. Именно в квартире Беркутова в Казани 20 ноября 1908 года и была задержана А.Цвирко, а сам он проживал там же с паспортом на имя «Валентина Сычёва».

Среди переписки А.Цвирко были найдены письма от А.Н. Баконины из Актюбинска, хозяйина конспиративной квартиры, «скрывшийся отсюда после беспорядков, бывших 3 июня 1907 года, задержанного впоследствии в Сибири и осуждённого 23 сентября 1908 года судебной палатой по ст. 102 Уг. ул. за принадлежность к актюбинской группе партии социалистов-революционеров»¹⁸.

На казанский адрес Александры Цвирко, уже после её ареста, из Оренбурга пришло письмо, которое полиция прочла. Писала сестра милосердия Александровской губернской больницы Констанция Лисевич, подписавшаяся «Мария», ещё не зная, что адресат арестован. В письме она просила найти денег для осуждённых членов партии с.-р., содержащихся в Оренбурге, «письмо оканчивается просьбой передать наискорейший привет «В.». Снова упомянута Александровская больница!

Так в руки полиции попали сведения о «сочувствовавшей фельдшерице» Лисевич, а во время обыска её квартиры были получены улики — письма от «Валентина Сычёва», т.е. от Беркутова. Получается, что пар-

тийная жизнь не мешала Беркутову, крестьянину Вятской губернии, общаться одновременно с двумя женщинами...

Полковника Бабича не смущает значительное число лиц, «фигурантов», он идёт к своей цели — выяснению имени «неизвестной молодой особы».

Выясняются и новые подробности запутанной истории. В записных книжках А. Цвирко упомянуты клички «Карл», «Альвина». «Карл» — это Альберт Давыдович Тауберг, «Альвина» — «есть жена последнего, Альвина Яковлевна Шенберг... приговорённые... к смертной казни за принадлежность к боевому летучему отряду... и организацию убийств должностных лиц».

Сазонт Беркутов в 1907 году жил (!) непродолжительное время в Александровской больнице, общался со служащим аптеки той же больницы Фёдором Глушковым, а в дальнейшем практически ежедневно бывал у него в больнице и дома. Констанция Лисевич, по показаниям свидетелей Чакрызова и Александры Цвирко (!), «сожительствовала» с аптекарем Глушковым.

Теперь понятно, как сведения о находящейся в Александровской больнице «неизвестной молодой особе, высланной из столицы», стали известны в С.-Петербурге и кто организовал её побег в 1907 году.

В Оренбурге С. Беркутов получает сведения от Ф. Глушкова и К. Лисевич, они рассказывают ему о находящейся в больнице «политической». Беркутов, в свою очередь, сообщает новость Цвирко. Но, вероятно, о ней уже знают и разыскива-

ют. Наверняка А. Тауберг сообщил А.Цвирко об этой особе, поскольку они состояли в переписке. Цвирко, как казначей оренбургской группы партии с.-р., финансирует приезд группы Тауберга — «боевого летучего отряда». Приехав в Оренбург, Альберт Тауберг посещает Цвирко в Каретном переулке, получает от Беркутова план больницы с указанием расположения палаты, где содержится под стражей «молодая особа, ложно назвавшая себя Насоновой, высланной из столицы за принадлежность к Всероссийскому железнодорожному союзу»¹⁹. Эти сведения могли передать Беркутову и Глушко, и Лисевич.

Обезвредить охрану для Тауберга несложно, он опытный и умелый «боевик», работа у него такая... Освобождение произошло в ночь на 17 мая 1907 года.

Освобождение или похищение? Это с какой стороны смотреть. С позиции жандармерии — похищение и побег, для участников боевого отряда — освобождение.

Нам же интересна личность «молодой особы», вокруг которой происходит так много событий. Происшествию в Александровской больнице предшествовали и другие, не менее интригующие.

В мае 1907 года в Оренбург под гласный надзор полиции «по этапу» прибыла молодая женщина с паспортом на имя Ольги Насоновой. Почему же именно сюда она прибыла? Ответ прост. В паспорте было указано место рождения — Оренбург. Следовательно, можно было произвести опознание. В выписке из паспорта было указано следующее:

«Безсрочная паспортная книжка,²⁰ выданная Оренбургским городским полицейским управлением 10 июля 1903 года за № 1897

1. Ольга Александровна Насонова (Ф.И.О.)

2. дочь священника (сословное происхождение)

3. 22 года (возраст)

4. Православная (вероисповедание)

5. гор. Оренбург (место рождения)

6. девица (семейное положение)

7. документ, на основании которого выдан паспорт: метрическое свидетельство Оренбургской Духовной Консистории от 27 августа 1901 года за № 9399 и аттестат Оренбургского Епархиального женского училища от 11 июня 1897 года за № 233.

Пом. полицеймейстера Желтовский. Никаких отметок и явок паспорт не имеет.»

Прибыв в Оренбург, ссыльная, назвавшаяся Ольгой Насоновой, объявила, что удостоверить её личность может сестра Мария Насонова, которая служит учительницей в Епархиальном училище. Марию Александровну Насонову 17 мая полиция пригласила на опознание, на котором она подтвердила, что это её сестра Ольга. В ту же ночь «Ольга Насонова» была освобождена из-под стражи в Александровской больнице и скрылась.

18 мая 1907 года Марию Насонову вновь пригласили в Полицейское управление, где она «отказалась от своего показания и заявила, что была введена в заблуждение и лица этого совсем не знает. Об-

стоятельство это осталось тогда без разработки, и не было выяснено, почему паспорт Ольги Насоновой попал в руки ... А также не установлены причины, которые побудили Марию Насонову при свидании с ... разыгрывать комедию: обниматься, целоваться и называть её своей сестрёнкой.

В данное время эта Мария Александровна Насонова находится в С.-Петербурге, куда она выбыла в 1907 году и состоит слушательницей Рождественских курсов на последнем курсе, а сестра её — Ольга, живёт уже давно в гор. Дубно, где она замужем за преподавателем мужской гимназии Захарием Григорьевичем Автуховым²¹.

Лишь в 1912 году, т.е. через 5 лет после побега неизвестной женщины из Александровской больницы г. Оренбурга, полковнику Бабичу удастся узнать имя сбежавшей.

Он получил 29 января 1912 г. от С.-Петербургского Департамента полиции запрос № 96249 на проверку личности некой Софьи Бродской.

Впрочем, в Оренбурге в то время действительно проживал нотариус, коллежский секретарь Исаакий Давыдович Бродский, но его дочь звали не Софьей, а Верой. Что и было доложено полковником Бабичем в С.-Петербург.

Текст запроса²² № 96249 гласил: «Получено 3 февраля 1912 г. вх. № 455 (Оренбург)

По полученным сведениям, в Париже, по адресу 32 rue Julie, вместе с Софьей Бродской проживает видная социалистка-революционерка, известная под кличкой «Дашенька-военная», настоящее имя которой и

отчеством коей Ольга Александровна или Ольга Николаевна.

По тем же сведениям, названная «Дашенька» работала в боевой организации в С.-Петербурге под руководством известного «Карла», будучи здесь арестована с паспортом, выданным на имя Оренбургской гимназистки, она была отправлена для установки личности в Оренбург, где начальница местной гимназии её не опознала. Так как ей грозила смертная казнь, то «Карл» — Трауберг, узнав об этом, решил спасти её и для этого послал трёх боевиков, которые, произведя вооружённое нападение на тюремную больницу, увезли «Дашеньку».

Сообщая о сем, Департамент полиции просит ваше высокоблагородие не представится ли возможным на основании изложенных данных установить личность «Дашеньки» и о последующем уведомить.»

Полковник Бабич 21 марта 1912 г. повторно потребовал от полицеймейстера города Оренбурга 23 выписку из паспорта Насоновой, написав ему: «По встретившейся надобности прошу препроводить мне впредь до распоряжения Департамента полиции паспорт Ольги Насоновой, по коему она прибыла с этапом 17 мая 1907 года в гор. Оренбург под гласный надзор полиции. Если же паспорта во вверенном Вам управлении не имеется, то сообщите, куда, когда и за каким № таковой направлен.

Справка: переписка Оренбургского полицеймейстера от 23 мая и 15 июня за № 200 и 235.

Полковник Бабич.»

Начались обычные для Жан-

дармского управления проверки, сбор агентурных сведений по делу уже не «Ольги Насоновой», а «Дашеньки».

Агентурным путём в Оренбурге были получены образцы почерков сестёр Насоновых, фотографические карточки. Кстати, Марии Насоновой в С.-Петербурге не оказалось, во всяком случае, по сведениям адресного бюро северной столицы. Она конечно же понимала, что полиции станут известны подробности «встречи с сестрой» и обман будет раскрыт. Очевидно, что в мае 1907 года Мария Насонова была кем-то из оренбургской группы с.-р., наверняка это сделала А.Цвирко, предупреждена о прибытии «Дашеньки», что будет опознание, поэтому позже скрылась.

Кто знает, может быть, в Париже, на 32 rue Julie, проживала именно Мария Насонова?

Начальник Оренбургского жандармского управления предпринял активные действия для выяснения подробностей прежних событий. Нужно было реабилитироваться как в «собственных глазах», так и перед Оренбургским полицеймейстером.

5 февраля 1912 года он направляет в адрес Департамента полиции «совершенно секретное» отношение № 602, где указывает: «В дополнение донесения 24 июля 1907 года № 2276,.. доношу Вашему Превосходительству, что из имеющихся у меня сведений видно, что «Дашенька» это полька, «цекистка», боевичка; участвовала во многих покушениях в Петербурге и на Юге; выслана была в Оренбург из С.-Петербурга за принадлежность к Всероссийско-

му железнодорожному союзу и прибыла сюда с этапом 17 мая 1907 года и ввиду её болезненного состояния была помещена в Губернскую больницу, из которой в ту же ночь была похищена. Освобождала её местная соц.-революционная группа при участии 3-х лиц, прибывших из Ц.К., из этих участников мне известен лишь один Сазон Беркутов, который приговором Саратовской судебной палаты 21 сентября 1909 г. приговорён в каторжные работы на 6 лет.

Местная группа, как это оказалось впоследствии, при производстве мною дознания о жене чиновника Ал. Цвирко, присяжных поверенных: Барановском, Константинове, Скляревич и др. лиц, имела сношение с организатором боевого летучего отряда Северной области партии с.-р. Альбертом Таубергом (кличка «Карл») и по его приказу оказала своё содействие в освобождении этой «Дашеньки». Обстоятельство это было поставлено мною в вину и разбиралось Судебной палатой (см. Обзор деятельности Оренбургской группы с.-р. пред. Особого отдела 16 апреля 1909 г. за № 1147, стр. 2, об. 2, 3 и 8 и об.).»²⁴

Полковник Бабич 15 марта 1912 года получает от Оренбургского полицеймейстера фотографию «Даши Кронштадтской» для проведения опознания. Фото получено, наверняка, из С.-Петербурга. Фотографию сопровождает записка № 98479: «Департамент полиции, препроводя фотографию «Даши Кронштадтской», высланной в 1907 г. в Оренбург под именем Ольги Насоновой, просит Ваше Высокоблагородие установить, имеет ли какое-

либо родственное сходство личность изображённой на фотографии со служащей в Епархиальном училище Марией Насоновой и кроме сего принять меры к совершенно конспиративному установлению, через лиц, знавших дочь Насонова — Ольгу гимназисткой.

Помимо сего Департамент полиции просит выяснить и уведомить, где в настоящее время находится тот паспорт Ольги Насоновой, по коему она прибыла с этапом в 1907 г. в Оренбург под гласный надзор полиции и который после её побега очевидно остался в распоряжении местных полицейских властей.

За вице-директора полковник (подпись)»²⁵.

Проверка сходства изображённого лица на фото с одной из сестёр Насоновых была поручена ротмистру Бакуринскому, сотруднику Жандармского управления г. Оренбурга.

Через неделю, 23 марта 1912 года, ротмистр Бакуринский предъявил фотографическую карточку священнику Насонову, на следующий день, 24 марта, фото рассматривала начальница Епархиального училища. Бакуринский доложил рапортом полковнику Бабичу: — «...оба они никакого сходства с сёстрами Ольгой и Марией Насоновыми в ней не нашли и решили, что это совершенно посторонняя женщина»²⁶.

Полковник Бабич обращает внимание на появление второго имени «Кронштадтская».

Какое и почему, высланная за принадлежность к Всероссийскому железнодорожному союзу, «Дашенька» имеет отношение к Кронштадту?

Докладывая о результатах след-

ствия Департаменту полиции, полковник Бабич практически «расписывается» в своём бессилии, поскольку следствие «стоит на месте».

«№ 1142 26 марта 1912 г. сов. секретно
г. Директору Департамента полиции

Доношу Вашему Превосходительству, что личность, изображённая на присланной мне фотографии, никакого родственного сходства со служившей в Епархиальном училище Марией Насоновой не имеет и мерами, принятыми мною, вполне установлено, что Ольга Насонова, будучи гимназисткой, также не походила на фотографию этой женщины. Паспорт на имя Ольги Насоновой, по которому была задержана «Дашенька», отобран мною из Оренбургского городского полицейского управления и при сём прилагается, а также представляются и две фотографические карточки, добытые агентурным путём, Марии Насоновой в период служения её в Епархиальном училище и её сестры — Ольги.

Относящиеся к 1906 году обе Насоновы в Оренбурге давно уже не проживают.

Приложения: паспорт №1897 и три фотогр. карт. Полковник Бабич»²⁷.

Для Бабича круг следствия замкнулся. Дочери священника Насонова в Оренбурге не проживают, в С.-Петербурге Мария не найдена, имя сбежавшей (или освобождённой?) не установлено... После «оренбургского» побега «Даша Кронштадтская» уехала за границу.

Единственный способ узнать имя «цекистки» — обратиться к материа-

лам Кронштадтского восстания матросов 1906 года.

В воспоминаниях современников упоминается молодая девушка, искренне говорившая на собраниях матросов, убеждённо доказывавшая свою позицию.

Эту молодую девушку звали Юлия Михайловна Зубелевич. Юлия родилась в Вятской губернии в 1882 году в семье поляков, возможно, ссыльных. Сведений о ней крайне мало, неизвестно, где она получила образование, но в 1904 году Юлия становится членом партии социал-революционеров. В 22 года началась её политическая карьера, вероятно под воздействием окружения и времени, в котором она жила²⁸.

Второе Кронштадтское восстание матросов произошло 19-20 июля 1906 г.

Но было и первое, в октябре 1905 года.

После опубликования «Манифеста» (17 октября 1905 года) в Кронштадте прошла политическая демонстрация. На Якорной площади состоялся матросский митинг, который организовали эсеры и социал-демократы.

Участники митинга требовали улучшить положение нижних чинов на флоте, выдвигали требования установить демократическую республику, ввести всеобщее избирательное право и отменить сословия. На следующий день к ним присоединились артиллеристы и пехотинцы Кронштадтского гарнизона. 26 октября 1905 года началось стихийное восстание, переросшее в вооружённое сопротивление войскам, присланным на подавление мятежа.

Весной 1906 года в Кронштадте была создана подпольная военная организация социал-демократов и эсеров, целью организации была подготовка восстания на Балтийском флоте. Руководство организации получило 18 июля 1906 года известие о начале восстания в Свеаборгской крепости близ Гельсингфорса²⁹.

Было принято решение о немедленном восстании поздно вечером 19 июля.

У восставших не было оружия, команды кораблей были изолированы. Участники восстания укрылись в форте Константин. Полевая артиллерия прибыла из Ораниенбаума, после обстрела повстанцы сдались. 20 июля 1906 года восстание было подавлено.

Партийные организаторы были недовольны, перекладывали вину в поражении друг на друга.

«Но самую яркую картину взаимоотношений эсеров и с.-д. мы находим в воспоминаниях эсерки Ю. Зубелевич, одной из организаторов Кронштадтского восстания в 1906 году. Она красочно рисует собрание эсеров и с.-д. накануне восстания. Войдя в «ветхий домик» старого рабочего Трофима, где проводилась эта встреча, Ю. Зубелевич сразу услышала громкий голос хозяина квартиры, «ругавшегося с эсдеком». Она вспоминает: «Как масло на огонь действуют на него слова эсдека о директивах, о санкции партии, и о прочих мудрёных вещах... Напряглись жилы на лбу, кулак сжимается, глаза мечут искры, гневно и негодуяще кидает он слова: «Не поймёшь вас с вашими директивами! Попы да начальники всю жизнь нас терпению

учили и вы из таких же! Окромя как «жди» да «терпи» и никакого разговору не услышишь!» Неожиданно он повернулся ко мне: «С вами, эсерами, мы желаем дело иметь! У вас всё по-другому, вы — боевые!»

Наконец Трофим нас проводил в комнату рядом, где идёт заседание: эсдеки пробуют с нашими столкнуться. Повышенные голоса, злые реплики, выделяется придирчивый голос Яна³⁰. Стою, прислонившись к косяку. Войти туда? Попасть под перекрёстные ругательства? Нет, ни за что!

Всё нетерпеливее и несдержаннее становятся все. Непоправимая фраза: «У вас всё мальчишки какие-то!» — срывается из уст Яна.

— Вы не больше, как заговорщики, затевающие беспочвенную авантюру! Военные заговорщики, желающие действовать без народа! Вы толкаете людей в пропасть! — кричат те по нашему адресу.

Вот оно! В который раз! Это мы-то военные заговорщики! Мы, которые всё время только и делали, что предостерегали от преждевременных чисто военных выступлений! Мы, которые, быть может, впадали в другую крайность: пропускали столько случаев воспользоваться возбуждённым состоянием солдатской и матросской массы, допустили, что весь флот разбросан, разрознен, что не мы, а правительство выбирает момент для неизбежной битвы? ...Заговорщики! Хороши заговорщики, у которых в рядах нет ни одного офицера — есть только рабочие и крестьяне, наряженные властью в солдатскую и матросскую одежду! Мы хотим действовать без народа? Или эта серая

масса — не народ, не органическая, неотрывная часть его? Почему же у этой части хотят отнять право двинуться первой, если это право принадлежит всякой другой?

...Вхожу в комнату. Вон Семён, вон Дмитрич — лица каменные; то же и в противном лагере. Тут и Фока, рабочий организатор, человек очень честный и убеждённый, но кроме того и предубеждённый, тут и Егорка — молоденький мальчик, энергичный, ярый, но бестолковый и неуравновешенный — один сплошной комок нервов; втягивается в спор и вошедший со мной новоприезжий. Но разве это спор? Это просто попытки в запальчивости и раздражении наговорить друг другу возможно больше неприятностей. И это революционеры! Накануне выступления! Может, накануне своей ли, чужой ли смерти!

И вдруг стихли. Со стороны эсдеков заговорила девушка, молодое существо лет 18. Заговорила, и все смолкли и внезапно затихшие слушали её короткие отрывочные фразы. Видно, волновалась, но тем тщательнее, тем толковее старалась выразить свои мысли: говорила степенно и веско, убеждая своих в наши убеждения вдуматься, а наших ... тоже быть не так нетерпимыми. С нерусским акцентом, мягко выговаривая букву «л», от чего казалась ещё более молодой и наивной её детская головка в ореоле коротких кудрей, эта девушка, ясная и выдержанная, резко выделялась на фоне рассерженных лиц и недобрых взглядов. И только она одна казалась здесь и доброй, и умной, и вдумчивой.

И только отошли было нервы, только облегчённо вздохнула душа, — и опять новый каскад взаимных недоразумений, обвинений, страстных слов, и непозволительной ругани...

...— Дмитрий! Семён! Скажите же им, попробуйте выяснить нашу точку зрения, без крика, без препирательств, без ругани! Ведь они же не понимают нас, ведь все их возражения идут мимо цели! Ведь так же нельзя! нельзя! нельзя!

Дмитрий безнадёжно машет рукой: Разве вы не видите, что люди пришли сюда с заранее готовым убеждением, что от них все слова будут отскакивать, как от стены горох. Они знают, им сверху сказали, что мы, эсеры, нечто иное, как военные заговорщики, авантюристы, помышляющие только о том, чтобы при помощи ловкого плана, под прикрытием всеобщей тайны, кучкой людей — без масс, без народа — произвести захват власти в городе. И что бы вы ни говорили, они себе это объясняют по-своему. На их глазах — очки, и всё, что мы делаем, — преломляется для них и представляется в уродливых очертаниях. Бесполезно!

— А накидываться на них, как Ян, третировать, ставить на дыбы — полезно!

— Нет конечно... Но тут, кажется, ничего не поделаешь. Мы было пробовали... Но с его темпераментом... Знаете, он органически не может переносить этого догматизма, этой предвзятости... этой скованности и плена мыслей.

— Он органически не выносит их, они органически не выносят его.

Но ведь надо же взять себя в руки! Нельзя так распускаться, нельзя!

— Да стойте, стойте, разве мы его оправдываем! Конечно, он и по летам и по жизненному опыту должен бы был показать им пример сдержанности. Но это уж его общий органический недостаток. Он не только прямолинеен, он резок, он негибает до нетерпимости... Но попробуйте-ка остановить его, особенно когда они упрямо не желают нас понимать, а ведь на практике это значит, что они будут по-прежнему тормозить наше дело, выпускать против нас прокламации, всячески стараться дискредитировать нас в глазах рабочих и солдат, особенно пехотинцев, среди которых у них есть большие связи...

В это время гул голосов взорвался кверху ещё бурнее. Слышу страстный напряжённый голос Яна: Вы согласны присоединиться к движению, если оно начнётся в Петербурге. Да понимаете ли вы, что это значит — вы хотите взобраться на тот самый сук, который теперь подпиливаете. Вы выступаете как гасители революционного духа! Вы расхолаживаете! отпугиваете от восстания пехоту, ту самую пехоту, которая и без того поддается и падает духом! Что вы распространяете сейчас в массах? Прокламации против выступления! Что вы им говорите? Объявляете нас преступниками и авантюристами! Вот они! — Ян потрясал какой-то бумажкой, нещадно трепля её: Вот они, ваши прокламации, убивающие здоровый и святой дух протеста! Какой позор! И ещё называетесь революционерами! Вы только вносите раз-

дор в массу... да разводите провокаторов!

У меня клубок подкатывает к горлу. Прячусь скорей в коридор. Хватаясь за уши, выходил Дмитрий. Болезненно морщась, идёт за ним Семён.

— Ну зачем ещё этот намёк на Арсения! Будто с нами не могло случиться того же! Точно это их вина!

...За дверями между тем слышался шум отодвигаемых стульев. — С вами одной только и можно разговаривать! — слышался голос Яна, показавшегося в дверях рядом с эсдечкой. Старик и ребёнок выходили вместе. Они поладили друг с другом».

Ю.Зубелевич вспоминала: «Итак, матросская и солдатская масса торжествует. То, о чём они давно мечтали, то, к чему они давно тащили интеллигентов чуть не силой — объединение обеих социалистических фракций во имя общего дела — как будто совершилось. Социалисты-революционеры и социал-демократы перед лицом грозы восстания — едино суть.

Едино ли? Сегодня рабочий организатор — Фока — должен был увидеться с Яном. До момента восстания оставалось всего три с половиной часа. И с самого же начала они не поладили.

— Расскажите мне весь план восстания, чтобы я мог передать своим и чтобы нам можно было решить, как лучше всего использовать наших рабочих, — попросил Фока. Ян нахмурился.

— План? Но вы ведь были на Косе, где говорилось об относящейся до вас части плана?

— Этого мало. Расскажите весь план, чтобы нам была ясна вся картина, а не только обрывки, которые вы сообщаете на отдельных расширенных собраниях.

— Я нахожу это совершенно излишним. План — вещь конспиративная.

— Иначе говоря — вы нам не доверяете?

— А хоть бы и так. Я видел ваших... хотя бы Егорку. У вас есть мальчишки какие-то. Они способны только всё провалить. Было бы странно, если бы оказалось, что вокруг них не вьются шпионы целыми стаями. Есть только один человек, с которым я говорил бы обо всем: это Эва. Приведите её. Да и вообще я должен сказать, что правило революционной конспирации гласит: рассказывай о деле не тому, кому можно, а тому, кому должно.

— Как! Так вы желаете, чтобы мы шли вслепую! Этого никогда не будет! Это возмутительно!

А что касается ваших разговоров о том, будто мы окружены провокаторами, то мы не в первый раз их слышим, вы не стесняетесь даже наговаривать это рабочим! Этого мы потерпеть не можем! Если вы не дадите нам план, мы, как организация, в восстании участия не примем!

— Что же: будете сидеть сложа руки, когда на улицах будут драться? Вы сами понимаете, что это невозможно. Впрочем — ваше дело. Не хотите принимать участие как организация — примыкайте порознь, как частные лица! И зачем вам план? Раскритиковать его? Так это уж поздно! Никто не виноват в том, что вы примыкаете к делу в последний

момент, когда у нас, с.-р., уже всё готово, когда ломать план нельзя, и даже оповестить об изменениях уже некогда. Вам совершенно не нужно знать военной части плана. Приведите рабочих к арсеналу, или к енисейцам — вот и всё, что вы можете сделать, большего от вас и не требуется.

Легко понять, что могло выйти из подобного разговора. Может быть, кое в чём Ян и не был совсем не прав. Но всё содержание, да и весь тон разговора были величайшей несправедливостью по отношению к людям, которые этой ночью должны умирать плечом к плечу с нами. Хорошо ещё, что на этом разговоре дело не кончилось. Под конец Ян как будто бы несколько смягчился и назначил новое свидание с руководящими эсдеками в ресторане.

...Только что узнаю, что была возможность поправить все прежние трения с социал-демократами и совершенно наладить отношения с ними. Из Петербурга прибыли два члена с.-д. Центрального Комитета с официальным разрешением для соц.-дем. сил принять участие в готовящемся восстании. Оба пошли в ресторан, где было назначено свидание с Яном. Проходит четверть часа, полчаса, три четверти часа — Яна нет как нет! Взрыв возмущения. Припомнились все старые столкновения, вспыхнули все самые недобрые чувства.

— Это чёрт знает что такое! Это какое-то издевательство над нами! Когда же мы успеем уведомить своих представителей! Или в самом деле нас водят за нос! Хотят заставить идти вслепую, в хвосте с.-р., во

всём положившись на них! как стадо баранов!

— Ясно: они нас величественно игнорируют!

— Такое третирование нашей организации, как нулевой величины, просто возмутительно! И в такой момент! Вся ответственность падает на них!

И разошлись, решивши только, что все комитетчики должны быть в разных пунктах, на месте действия, и смотря по ходу дела и требованиям обстоятельств — решать, что делать, кого и к чему призывать. И только.

И едва они разошлись — захавшись, прибегает Ян. Рвёт и мечет, что ушли, не дождавшись его: он был задержан совершенно неотложными делами и физически не мог добраться раньше. И уж совсем свирепствует и прокликает «этих мальчишек», что не оставили даже ни одного человека с адресом, где их найти.

— А, всё равно! И чёрт с ними! Мальчишки! Чем они могут помочь! Вот увидите: самых простых вещей не сделают! Только мешать умеют! Это вот — их дело! Обойдёмся и без них! Может быть, ещё и к лучшему, что не встретился: не миновать бы слежки или даже провокации...

Утешает сам себя... Берedit старое озлобление, старую неприязнь... И это за какой-нибудь час до восстания!»³¹.

После ареста в 1907 году Ю. Зубелевич была выслана для опознания в Оренбург, где совершила побег и выехала за границу, вероятно, в Париж, откуда вернулась в 1910-1911 году. По сведениям Департамента полиции, полученными от агентуры,

Ю. Зубелевич покушалась на жизнь вологодского тюремного инспектора Ефимова в апреле 1911 года, после чего вновь спешно выехала за границу, в Италию.

Находясь в Италии, Юлия Зубелевич активно общалась с проживающим там же Виктором Михайловичем Черновым, идейным лидером партии социал-революционеров.

Личность В.М. Чернова незаурядная. Он родился в Новоузенске Самарской губернии в 1873 году. Его отец был чиновник, получивший потомственное дворянство. Учился на юридическом факультете Московского университета, был арестован. Жил за границей. В 1901-1902 годах народнические организации объединились в партию социалистов-революционеров (эсеров). Одним из основателей партии, членом её ЦК и ведущим теоретиком стал В.М. Чернов. В 1905 году нелегально прибыл в Россию, после предательства Е.Ф. Азефа, которое переживал как личную трагедию, эмигрировал. С 1908 года жил в Италии, Франции, где продолжал разрабатывать теоретические основы социализма. Чернов состоял в переписке³² с Максимом Горьким (Пешковым), где, среди прочего, рекомендовал тому прочесть мемуары «товарища Даши», которая ещё не знает, что в будущем ей суждено вновь обратиться к семье Горького:

«17. Чернов — Горькому [Феццано. Март, после 1913 г.]

Дорогой Алексей Максимович.

Очень рекомендую Вам подательницу этого письма, как потому, что это — человек совершенно

особенный, редкой души, так и потому, что она располагает чрезвычайно интересными материалами: думается, что Вам и как человеку, и как беллетристу, и как политическому деятелю ознакомиться с ними было бы очень важно.

Товарищ Даша — военная работница¹, бывшая в Кронштадте перед самым восстанием и во время восстания. Я положительно почти не встречал человека такой кристальной душевной чистоты, соединенной с самой крайней скромностью, робостью, преуменьшением о себе мнения и вечно недовольства собой, — это при чисто аскетической, подвижнической преданности делу. Впрочем, если Вы ее увидите, то, я думаю, лучше всякого другого сумеете схватить ее психологический образ и оценить ее. Теперь она, под неизгладимым влиянием поражения кронштадтской попытки восстания, вся ушла в одну мысль: как избежать на будущее время подобных неудач, как сделать, чтобы этот горький опыт не прошел даром и чтобы в будущем военная работа воскресла на базисе более рационального ведения дела и подготовленности ко всем его трудностям. В этой области у нее много всяких предположений и планов, но, в частности, она считает совершенно необходимым — более того, своим долгом — изобразить всю историю Кронштадтского восстания, ничего не замалчивая и не прикрашивая. Она, конечно, в литературном отношении — особенно в смысле стиля — человек совершенно неопытный; кроме того, она окончила

только первоначальный набросок, в котором изложение еще далеко не концентрировано, важные и менее важные части пока еще слишком идут друг с другом «вперемешку». Но, думается, уже сейчас в целом получилось нечто весьма ценное — и как «человеческий документ», и как документ по истории революции³. Дело в том, что она с необыкновенной добросовестностью проверяла и дополняла свои личные воспоминания всевозможными сведениями и сообщениями всех живых участников дела, судебных документов, газет того времени (в особенности специально военных) и т. д. На Капри она поехала тоже потому, что это дает ей возможность увидеть одного с.-д., работавшего в то время в Кронштадте и бывшего *au courant* положения вещей в некоторых военных частях, ей менее известных, — а также и потому, что рассчитывает на кое-какую помощь хорошо знающего Кронштадт Затертого⁴.

Пишу обо всем этом на тот случай, если у Вас окажется время и охота ознакомиться с материалами Даши, — что касается ее, то она с величайшей охотой показывает их всем и даже сама читает вслух. Ей хочется иметь как можно больше критических замечаний и всякого рода указаний по поводу ее рукописи — ибо есть шансы издать ее здесь, за границей... В противовес многому, что режет ухо в «Том, чего не было»⁵, ее рукопись поистине может быть названа необыкновенно правдивым рассказом о «Том, что было». И если ей удастся с литературной

стороны обработать ее получше — а на это она готова положить все свои силы, сколько есть, — то будет, по-моему, необыкновенно полезная вещь.

Вот все основное, для чего я взялся за перо... Кстати, о Вашем последнем письме. Я получил его, и оно подтвердило мне то, что я думал: что Вы не могли говорить так, как передавались Ваши речи в Петербурге. К сожалению, в литературной среде слишком часто рождаются слухи, превращающие мух в слона; быть может — и даже всего вероятнее — и Л. Андреев говорил не так плохо, как его поняли... Во всяком случае, очень хорошо, что я получил возможность написать в Петербург и устранить начавшее там создаваться крупное недоразумение. Впрочем, все это не так важно...

Из России идут известия недурные — кое-что может рассказать и тов. Даша, вместе с нами только что слышавшая рассказы одного приезжего оттуда, делавшего объезды многих городов и видевшего целый ряд партийных работников. Между прочим, там есть проект издания газеты. Так как Вы занимаете положение вне узких фракций, то, быть может, у Вас явится охота сказать о чем-нибудь свое слово? Газета будет выходить в России и распространяться немедленно — это не то, что заграничная пресса, еле-еле и со страшными опозданиями доползающая до местных людей...

Ну, пока всего лучшего. Крепко жму руку.

Ваш Виктор Чернов»

¹ «Речь идет о Юлии Михайловне Зубелевич — «Даше Кронштадтской».

³ См.: Зубелевич Ю. Кронштадт: Воспоминания революционерки. 1906. Ч. 1–3. Кронштадт: изд-во Совета рабочих и солдат. депутатов, [б.г.]. Отрывок под заглавием «Захват форта» напечатан в кн.: Егоров И. В. 1905. Восстания в Балтийском флоте в 1905–1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»: Сб. статей, воспоминаний и документов. Л., 1926.

⁴ А. Затертый — ранний псевдоним А.С. Новикова (Прибой). Новиков-Прибой в 1899–1906 гг. был матросом Балтийского флота, очевидцем событий Кронштадтского восстания, которым посвятил документальный рассказ «Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 г.» См. в кн.: Егоров И. В. 1905. Восстания в Балтийском флоте... (подпись: А. Затертый-Новиков); Новиков-Прибой А. С. Собр. соч. М., 1963. Т. 1 (под загл. «Бойня»); Красный флот. 1923. Но 3.

⁵ «То, чего не было. (Три брата)» — роман В. Ропшина (Б.В. Савинкова), печатавшийся в «Заветах».

После Февральской революции 1917 года Чернов вернулся в Россию. Он поддержал Временное правительство, в мае — августе 1917 года исполнял обязанности министра земледелия. В.М.Чернов был против Октябрьского переворота. В 1918 году был избран председателем Учредительного собрания и отказал-

ся обсуждать большевистскую повестку. Вынужденно уехал в Самару, где возглавил съезд членов Учредительного собрания. При захвате власти А.В. Колчаком В. Чернов выступил против него и был арестован. В 1919 году В. Чернов написал В.И. Ленину письмо: «Ваш коммунистический режим есть ложь — он давно выродился в бюрократизм наверху, в новую барщину, в подневольные каторжные работы внизу. Ваша «советская власть» есть сплошь ложь — плохо прикрытый произвол одной партии...» После такой оценки партии большевиков ему ничего не оставалось делать, как только уехать из России.

В 1920 году Чернов нелегально выехал из страны, жил в Эстонии, Латвии, Чехословакии, Франции. С началом Второй мировой войны Чернов принял участие в движении Сопротивления. В 1940-м выехал в США. Умер В.М. Чернов в Нью-Йорке 15 апреля 1952 года.

Общаясь с выдающимися людьми не только своего круга, но и времени, Юлия Зубелевич конечно же не могла не «вырасти» идейно. Она становилась решительной, активной революционеркой, принципиальной и последовательной в действиях.

В 1914 году Ю. Зубелевич жила в Париже под фамилией Потоцкая. Об этом докладывали в С.-Петербург в Полицейское управление зарубежные агенты, составляющие список нелегально живущих во Франции членов партии с.-р. Нужно сказать, что за границей действовала разветвленная сеть агентуры, состоящая не только из профессиональных «шпионов», провокаторов. Агентами были

и члены различных партий, доносящие на идейных противников. Но в основном для «агентов» это был лишь вопрос денег. Известный провокатор Е.Ф. Азеф, умерший в США и похороненный без имени³³, получал от «охранки» 16 тысяч рублей в год, что составляло более дохода генерала императорской армии России.

В 1916–1917 годах Юлия Зубелевич возвращается в Россию, где живёт нелегально, с документами на другое имя. В случившейся Октябрьской революции принимает косвенное участие, во многом не разделяя позицию большевиков. Находясь в местечке Тороча, была арестована в марте 1918 года и содержалась в Псковской тюрьме³⁴.

В 1921 году Ю. М. Зубелевич участвовала в антисоветском мятеже в Кронштадте, принимала участие в его подготовке совместно с анархистами, меньшевиками и белогвардейцами. Восстание в Кронштадте началось 28 февраля и закончилось 18 марта 1921 года. По сути, это был протест против власти большевиков. Моряки кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» 27 февраля 1921 года приняли резолюцию, в которой говорилось: «Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием... Свободу слова и печати... Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями... Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не

может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этих целей... Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов... Дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно... Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом... Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции...» Выдвигались лозунги «Вся власть Советам, а не партиям!», «Советы без коммунистов!»

Ю. Зубелевич находилась в Кронштадте давно. Там она познакомилась со старшим писарем линкора «Петропавловск» Степаном Петриченко, по происхождению крестьянином Калужской губернии, который служил на корабле с 1914 года. По-видимому, основой их знакомства была революционная деятельность. Ю. Зубелевич и С. Петриченко к тому времени живут вместе. Как муж и жена³⁵.

Во время восстания С. Петриченко возглавил Временный революционный комитет. Власть в Кронштадте перешла к Ревкому. Большевики в это время не смогли противостоять восстанию. Был замечен массовый выход рядовых коммунистов из рядов партии.

Степан Петриченко вступил в ряды РКП(б) в «партийную неделю» 1919 г., позже выбыл из членов партии. После подавления Кронштадтского мятежа с другими его участниками ушёл по льду залива

в Финляндию, где работал на лесопильных заводах. Больше с женой, Юлией Зубелевич, он не встречался. Вполне возможно, его поступок она расценила как предательство.

Дальнейшая судьба Степана Петриченко извилиста и сложна.

В следующем, 1922 году, Петриченко побывал в Риге, где посетил советское посольство, был завербован ГПУ и стал агентом Разведупра РККА в Финляндии. В 1927 году побывал в СССР. В 1937 году С. Петриченко отказался от сотрудничества с советской разведкой, однако затем снова продолжил(!). От С. М. Петриченко было получено несколько сообщений о подготовке Германии к войне против СССР.

В 1941 году С. Петриченко был арестован финскими властями. В сентябре 1944 года на основании соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией С. Петриченко был освобождён, а в апреле 1945 года вновь арестован и передан советским органам.

17 ноября 1945 года по решению Особого совещания при наркомате внутренних дел СССР Петриченко С. М. «за участие в контрреволюционной террористической организации и принадлежность к финской разведке» был приговорён к десяти годам лагерей.

Степан Петриченко, преданный своими работодателями, умер 2 июня 1947 года по пути этапирования из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму³⁶.

Но вернёмся к «Даше Кронштадтской».

После ликвидации Кронштадтского мятежа частями революционной

армии Зубелевич была арестована. Арест был произведён Петроградским ГО ГПУ на конспиративной квартире 7 марта 1922 года³⁷. Юлия Зубелевич предъявила паспорт на имя Игнатовой Ольги Алексеевны, поскольку находилась в Петрограде на нелегальном положении.

Следствием было установлено настоящее имя, Зубелевич перевезли в Москву и содержали в Бутырской тюрьме. В ГПУ на имя Ф. Э. Дзержинского обратилась Е. П. Пешкова³⁸, руководитель и лидер «Комитета помощи политическим заключённым», с просьбой освободить Ю. Зубелевич на неделю под её поручительство. Ходатайство было рассмотрено и Ю. Зубелевич была выпущена(!).

Екатерина Павловна Пешкова и Юлия Зубелевич были знакомы и знакомы довольно давно. Они встречались на острове Капри в Италии, куда приезжала Зубелевич вместе с Черновым в гости к Максиму Горькому. Екатерина Пешкова была первой женой Максима Пешкова (Горький — литературный псевдоним), в браке у них родился сын Максим. Более того, Е. Пешкова состояла членом партии эсеров, активно общалась с Верой Фигнер, после 1918 года возглавляла московский отдел организации «Помощь политическим заключённым». Екатерина Пешкова после развода с М. Горьким не меняла фамилии, что во многом помогло ей в работе. Авторитет Пешковой был высок, к её мнению прислушивались.

3 июля 1922 года³⁹ был зачитан приговор, по которому Ю. Зубелевич назначено 2 года ссылки. В

августе 1922 года она отправлена в Оренбург под гласный надзор, причем к месту ссылки направлена без конвоя.

Во второй раз оказавшись в Оренбурге, Юлия Зубелевич занимается педагогической деятельностью. Она не ограничивается ролью «административно-ссылной», продолжает активную идеологическую работу. Но времена, да и нравы окружающих её людей, изменились. В марте 1923 года по инициативе Ю. Зубелевич в Оренбурге происходит празднование 25-летия РСДРП⁴⁰, после чего местные власти, чтобы избавиться от активной эсерки, высылают её из Оренбурга в посёлок Кос-Истек недалеко от города Актюбинска⁴¹. Работа в детском доме в качестве воспитателя оказалась недолгой, дикие нравы местного начальства, коммуниста по фамилии Крот, вынуждают Ю. Зубелевич написать письмо в ГПУ и Е. П. Пешковой. Она пишет, что этот человек «среди ночи будит разоспавшихся детей, с грозными окриками, со стаскиванием с постели за волосы, с угрозами револьвера <...> то за ухо схватит так, что струйка крови польется, то за шиворот рванет ребенка так, что он стучается о противоположную стену... стоянье на коленях — обычная вещь, угрозы револьвером и крики: «Всех вас, мерзавцев, перестреляю». Юлия Зубелевич отмечает и гнусные налёты в адрес женщин-воспитателей, пьянство, воровство. «...Если бы вы знали, какими чудесными стали было становиться ребята до появления Крота, когда нашелся, наконец, ключик к их сердцу, и какими озлобленными зверушками они стали теперь,

с отчаяния, кажется, на все махнувши рукой...»⁴²

После письма в Москву Ю. Зубелевич 25 октября 1923 года⁴³ увольняют из детдома, она остаётся без работы. От имени 6-ти человек административно-ссылных, среди которых и Ю.М. Зубелевич, из Актюбинска 23 ноября 1923 года в Президиум ГПУ выслано письмо с требованием предоставить работу.

Юлия Зубелевич понимает, что с приходом к власти большевиков начнутся «чистки», аресты. Она уже почувствовала железную руку новой власти на своём плече. Идеалы революции во многом померкли, «светлое будущее» не наступало. Она почувствовала огромную разницу в рассуждениях о революции, находясь в Актюбинске, по сравнению с теми, что были в Париже или на Капри...

Партийные и советские органы власти с ведома и по команде ГПУ на местах проводили политику «выдавливания» инопартийных. В октябре 1923 года на имя А.И. Рыкова поступил протест московского Бюро объединения партии левых социалистов-революционеров и максималистов «против ссылок в самые отдаленные места СССР, которые являются в буквальном смысле слова мерой незаметного истребления инакомыслящих революционеров и социалистов»⁴⁴.

К тому времени в Москве подготовлен список эсеров к ссылке в Архангельский лагерь на поселение. В списке было имя Ю.М. Зубелевич... Жизнь повисла практически на волоске...

Но случилось невероятное.

В течение 1923 года Е.П. Пешкова, наверняка по совету В. Фигнер, ходатайствовала за Ю. Зубелевич, просила ГПУ разрешить вернуться в Москву.

Со своей стороны, Ю. Зубелевич направляет в апреле 1923 года прошение о выезде за границу:

«В административную комиссию при К.В.Д.

Полит. ссыльной

Ю.М. Зубелевич

Заявление

Прошу разрешения мне выезд за границу, т.к. по болезни я лишена возможности зарабатывать себе средства к пропитанию, а в Польше у меня есть мать, кот. может меня содержать.

Актюбинск, 19.04.1923»⁴⁵.

Просьбу о выезде активно поддерживает Е. Пешкова, она обращается к Ф. Дзержинскому. Трудно сказать, что повлияло на решение Дзержинского...

Ф. Дзержинский своей рукой вычеркнул имя Зубелевич из списка Архангельского лагеря.

4 января 1924 года комиссия НКВД постановила выслать Ю.М. Зубелевич «за границу с запрещением возвращаться в СССР в течении трёх лет»⁴⁶.

В том же году Ю.М. Зубелевич уехала за границу, где возобновила политические связи с В. Черновым и другими единомышленниками.

На этом сведения о «Даше Кронштадтской» обрываются. Не найденной остаётся и фотография известной социал-революционерки своего времени, дважды не по своей воле побывавшей в Оренбурге, Юлии Михайловны Зубелевич.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Гостинодворская улица — ныне ул. Кирова

² Водовозная улица — ныне ул. М. Горького

³ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.301

⁴ Уголовное уложение (1903 г.), ст.102 — принадлежность к революционному сообществу.

⁵ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.5

⁶ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.1

⁷ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.16

⁸ Кириловский переулок — ныне переулок Южный, назван в честь И.К. Кирилова (1689-1737 гг.), инициатора освоения Оренбургского края.

⁹ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.165

¹⁰ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.181

¹¹ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.275

¹² ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.311

¹³ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.350 стр.329

¹⁴ Вероятно, «Оренбургский край», среди членов партии с.-р. г. Оренбурга популярна была именно эта газета, поскольку выражала точку зрения партии с.-р.

¹⁵ Имеется в виду Александровская больница, ныне не существует, территориально была расположена напротив Тополёвого парка.

¹⁶ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.363 стр.17

¹⁷ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.363 стр.18

¹⁸ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.363 стр.18 об.

¹⁹ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.363 стр.24 об.

²⁰ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.449 стр.44 ГУ ГАОО

²¹ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.449 стр.40

²² ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.449 стр.38

²³ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.449 стр.43

²⁴ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.449 стр.40

²⁵ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.449 стр.42

²⁶ В архивном деле фотографии нет.

²⁷ ГУ ГАОО Ф.21 оп.2 д.449 стр.45

²⁸ По мнению автора (А.Е. Исковского), на формирование политических взглядов молодой Ю. Зубелевич оказала воздействие своими книгами и фактами биографии Вера Фигнер. В 1920-е годы Фигнер и Зубелевич познакомились в Париже.

²⁹ Гельсингфорс — Хельсинки (шведск.), Свеаборгская крепость — в настоящее время Суоменлинн.

³⁰ Ян — партийное имя С.Ф. Михалевича, руководителя Центрального военного бюро партии с.-р.

³¹ Зубелевич Ю. Кронштадт в 1906 году (Воспоминания революционерки). ч. 3. Кронштадт, 1917. С. 20-25. (по книге: Морозов К.Н. «Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг.» М.: РОССПЭН, 1998)

³² «Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка». Литературное наследство. Т.95 М., «Наука» 1988.

³³ На могиле Е.Ф. Азефа имя не указано, только номер могилы.

³⁴ «Материалы к биографическому словарю социалистов и анархистов», НИПЦ «Мемориал» (Москва)

³⁵ «Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка». Литературное наследство. Т.95 М., «Наука» 1988

³⁶ С.Н.Семанов, «Кронштадтский мятеж», М., 2003г.

³⁷ Плеханов А.М. «Дзержинский. Первый чекист России», стр.544, «ОЛМАПРЕСС»

³⁸ Плеханов А.М. «Дзержинский. Первый чекист России», стр.544, «ОЛМАМЕДИА-ГРУПП»

³⁹ Плеханов А.М. «Дзержинский. Первый чекист России», стр.544, «ОЛМАМЕДИА-ГРУПП»

⁴⁰ ГАРФ ф.Р-8409 оп. 1 д.38 л.274-275 ГАРФ

⁴¹ Актюбинск — город в 250 км на юго-восток от г. Оренбурга на территории Казахстана.

⁴² Е.Щеглова «Мне Анастасии Ивановни 13 лет...» «Континент» № 130, 2006 г.

⁴³ ГАРФ ф.Р-8409 оп.1 д.38 л.274-275

⁴⁴ Плеханов А.М. «Дзержинский. Первый чекист России», стр.545, «ОЛМАМЕДИА-ГРУПП»

⁴⁵ ГАРФ Ф.Р-8409 оп.1 д.8 л.81

⁴⁶ Плеханов А.М. «Дзержинский. Первый чекист России» стр.545, «ОЛМАМЕДИА-ГРУПП»

Владимир СЕМЁНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТОЙ РЕЛИКВИИ

Владимир Геннадьевич Семёнов родился в 1960 г. в с. Старая Тепловка Бузулукского района Оренбургской области. Служил в армии, окончил исторический факультет Оренбургского государственного педагогического института (с красным дипломом), учительствовал в сельской школе. В настоящее время – старший преподаватель кафедры истории Отечества и социально-политических теорий ОГПУ, преподаватель военного краеведения в оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, кандидат исторических наук. Один из инициаторов возрождения Оренбургского казачьего войска, автор многочисленных публикаций по военной истории края и оренбургского казачества.

Ровно через 95 лет после начала 1-й мировой войны в музей Оренбургского войскового казачьего войска, что находится на территории казачьего Славянского базара, пришла пожилая посетительница. Осмотрев с особым вниманием экспозиции, она сказала, что не ошиблась, приехав именно сюда.

Оказалось, Вера Николаевна Савченко родом из далёкого Мурманска. Предки её были из славного казачьего рода Колгановых из Линёвской станицы Оренбургской губернии, и в Заполярье оказались не по своей воле. Дед Веры Николаевны служил в Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка, в 1-мировую войну неоднократно был отмечен наградами.

Недавно Вера Николаевна вытирала пыль с киота дедовской иконы Св. Николая Чудотворца, и нечаянно уронила его. Киот (небольшой застеклённый ящичек или специальный застеклённый шкаф, в который ставятся иконы) сломался, и женщи-

на увидела, что на тыльной стороне иконы имеется надпись. Надпись гласила «7-му Оренбургскому казачьему полку Благословение Наказного Атамана Оренб. к. в. Генерал-Лейтенанта Сухомлинова».

Савченко решила для себя, что она должна вернуть икону на родину своих отца и деда. От случайных попутчиков по поезду она узнала о добрых делах атамана Оренбургского войскового казачьего общества Юрия Петровича Белькова. Так икона оказалась в войсковом музее. Кроме иконы-благословения Вера Николаевна передала в дар музею ещё несколько ценных исторических реликвий, в том числе и фотографии своих предков, оренбургских казаков.

А читателей альманаха «Гостиный Двор» мы продолжаем знакомить с историей Оренбургского казачьего войска и, в частности, ратными делами 7-го Оренбургского казачьего полка, которого благословлял на подвиги образ Св. Николая Чудотворца.

Первые подготовительные мероприятия к мобилизации в Оренбургской губернии начались 15 (28) июля 1914

года. В этот день начальник Ташкентской железной дороги получил распоряжение об объявлении на ней чрезвычайного положения. Железнодорожные мосты и важнейшие объекты дороги срочно были взяты под охрану воинскими частями (48-й пехотной дивизии), вызванными из Тоцких лагерей.

На другой день была получена телеграмма от начальника штаба Казанского военного округа с сообщением о том, что официальным началом мобилизации следует считать 17

**Вера Николаевна Савченко
с Юрием Петровичем
Бельковым
в войсковом музее**

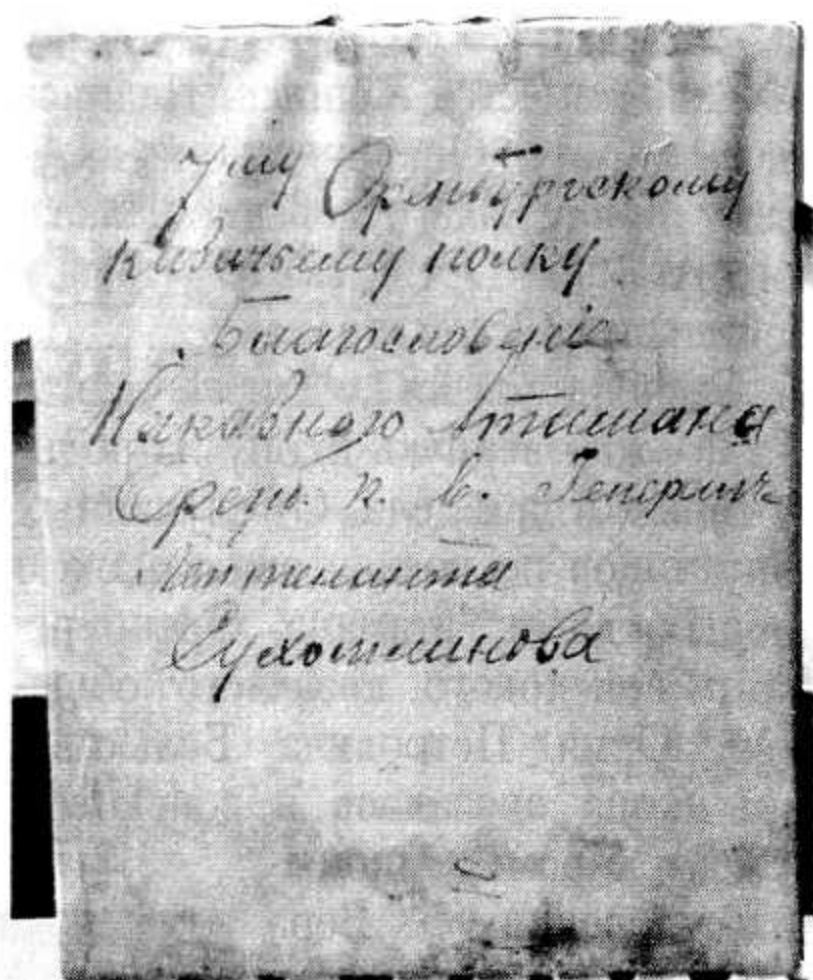
Икона Св. Николая Чудотворца

июля. После получения сообщения началась подготовка помещений для мобилизованных, освобождение постоянных дворов.

17 (30) июля 1914 года жители Оренбурга узнали об объявлении мобилизации. На следующий день в газетах был опубликован именной царский указ о мобилизации (согласно расписанию 1910 г.). В нём говорилось: «Вызвать со льготы казаков Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского и Уральского войск»¹.

Однако решение о частичной мобилизации (сил четырёх военных округов) было пересмотрено. Уже вечером 17 июля в Оренбург пришло предписание о всеобщей мобилизации, назначенной не на 18, а на 19 июля.

В секретном приказе № 497 по Казанскому военному округу были указаны дни готовности частей

Надпись на обратной стороне иконы

Оренбургского казачьего войска к выступлению в поход:

7-й Оренбургский казачий полк — 29 июля в 9-ю армию.

8-й Оренбургский казачий полк — 24 июля в 6-ю армию.

13-й Оренбургский казачий полк — 30 июля в 4-ю армию.

14-й Оренбургский казачий полк — 3 августа в 4-ю армию.

4-я льготная казачья батарея — 26 июля в 3-ю армию.²

7-й, 8-й, 13-й и 14-й Оренбургские казачьи полки формировались в Оренбурге.

Каждый из трёх военных отделов Оренбургского казачьего войска делился на два полковых округа, в которых формировалось по одному полку 2-й и 3-й очереди. Вместе оба округа формировали одну льготную артиллерийскую батарею.

1-й полковой округ 1-го военного отдела, состоящий из станиц Буран-

ной, Богуславской, Городищенской, Донецкой, Кардаиловской, Краснохолмской, Линёвской, Нижнеозёрной, Рассыпной, Татищевой, формировал 7-й и 13-й Оренбургские казачьи полки и 4-ю Оренбургскую казачью батарею.

2-й полковой округ 1-го военного отдела, состоящий из станиц Павловской, Бёрдской, Оренбургской, Каменноозёрной, Сакмарской, Гирьяльской, Воздвиженской, Верхнеозёрной, Ильинской, Сухомлиновской (бывшей Пречистинской), Новоорской, формировал 8-й и 14-й Оренбургские казачьи полки и 4-ю Оренбургскую казачью батарею.³

Сроки, отводимые для мобилизации льготных казаков, оказались вполне реальными. Например, четыре полка и батарея, формируемые вторым отделом, должны были закончить все мобилизационные действия на восьмой день от её начала.⁴

В Оренбурге несколько дней проходили патриотические манифестации. В журнале жандармского управления г. Оренбурга 18 июля появилась запись: «Всюду царит

полный порядок. Настроение в городе приподнятое... Запасные ведут себя очень хорошо, ничего предосудительного не замечено».⁵ В городах Оренбургской губернии были закрыты все питейные заведения, а также запрещена продажа спиртных напитков в ресторанах и гостиницах.

В Оренбурге для призывников были приспособлены городской театр, реальное училище, некоторые гимназии, общественное собрание и ряд частных зданий. В печати, в целях безопасности, была введена военная цензура. Офицерам запрещалось давать в печать материалы на тему мобилизации.

20 июля войсковой штаб отправил в мобилизуемые казачьи полки (второй и третьей очереди), во 2-й и 3-й военные отделы восемь полковых знамён. Полковые знамёна в сопровождении казачьей сотни и духового оркестра были доставлены на железнодорожный вокзал, где была устроена патриотическая манифестация.

21 июля управляющий губернией (за отсутствием Н. А. Сухомлинова) вице-губернатор барон Д. О. Тизенгаузен во время выступления в губернском правлении призвал всех жителей края в тяжёлый для России час к объединению. В кафедральном соборе Оренбурга епископ Челябинский Дионисий провёл молебен «О ниспослании победы русскому оружию».

В фондах ГАОО сохранилась квитанция о передаче знамени Высочайше пожалованного Оренбургским казачьим войском 13 декабря 1856 со знамённой скобой № 38 7-му Оренбургскому казачьему пол-

Полковое знамя

Истор. арх. № 2129

К В И Т А Н Ц И Я.

ВХ. № 4993
ШТАБЪ ОРЕНБ. КАЗ. ВОЙСКА.

1914 года 24 Июля дана отъ 7-го Оренбургскаго казачьяго полка Войсковому Штабу Оренбургскаго казачьяго войска въ томъ, что въ исполненіе приказа по войску отъ 19 сего Іюля за № 496, п. 2, принято отъ Войскового Штаба для 7-го полка полковое конно-казачье знамя, высочайше пожалованное 13 Декабря 1856 года, съ знамен-ной скобой подъ № 38.

Знамя состоитъ: изъ знаменнаго полотнища, дре-ка съ копьемъ /орломъ/, подтокомъ и знаменной скобой № 38; при знамени имѣется серебрянный темлякъ съ двумя кистями, шнуръ съ кистью, замшевый чехоль съ завязками, черный наружный брезентный чехоль съ завязками - шнурами и ко-жаный плечевой ремень съ подвѣснымъ бушматомъ, что и свидѣтельствуется подписями и приложеніемъ печати.

Г. Оренбургъ " 25 " Іюля 1914 года.

Командующій 7 Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ

Есаул Зайцевъ

И. д. Полкового Адъютанта,

Марушичъ

ку. Знамя получили исполняющий обязанности командира полка есаул В.А. Зайцев и полковой адъютант хорунжий В.Д. Плотников.⁶

26 июля оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов, прибывший сроч-но из отпуска 24 июля, объявил о введении в губернии чрезвычайного положения и о принятии им звания «Главначальствующий Оренбург-ской губернией».⁷

В этот день на форштадтской площади Оренбурга были проведе-ны молебен, присяга и смотр 7-го Оренбургского казачьего полка. От наказного атамана и городских властей полку были преподнесены иконы. Наказной атаман остался доволен: во время церемониального марша он похвалил каждую сотню, пожелал казакам счастливого похода. Речь наказного атамана вызвала громкое и продолжительное «ура» полка и собравшихся.⁸

За первую неделю мобилиза-ции в Оренбурге добровольцами на фронт пожелали отправиться около 500 человек. Этот факт свидетель-ствует о высоком патриотизме орен-буржцев. Патриотические чувства казаков ещё больше усилились по-сле обращения к ним Николая II. В день отправки на фронт 7-го каза-чьего полка (27 июля) от него была получена телеграмма: «...Уверен, что все оренбургские казаки будут на поле брани героями!..».⁹

Таким образом, процесс мобили-зации в действующую армию прошёл на территории Оренбургского ка-зачьего войска успешно, без всяких осложнений. Этот факт подтвержда-

ет рапорт, направленный директору Департамента полиции, отправлен-ный из Оренбурга в августе 1914 г.: «...Мобилизация запасных по гу-бернии прошла в большом порядке и при значительном патриотическом подъёме, особенно охотно собира-лись казаки; недоборов не было, а всюду замечен излишек...».¹⁰

Проводы казаков в станицах, по старинной традиции, проходили торжественно. Вот как 19 июля про-вожала казаков, направлявшихся в 7-й Оренбургский казачий полк, станица Донецкая. В 2 часа дня при-чем местной церкви был совершён напутственный молебен. Все жите-ли станицы прибыли на церковную площадь, мобилизованные казаки в полной парадной форме были на конях.

После молебна к казакам с на-путственной речью обратился ста-рый станичный учитель. Обращаясь с речью к своим бывшим ученикам, он призвал их «крепко и стойко за-щищать Государя и родную зем-лю, быть единокорными, делиться между собой всем необходимым, не оставлять в опасности товарищей и при первой возможности выносить и вывозить раненых, а также главных руководителей, защищать и обере-гать начальствующих лиц».

28 июля командование 7-м пол-ком принимает 46-летний войсковой старшина Лев Николаевич Доможи-ров. В составе полка был 21 офицер и 952 казака. Из Оренбурга казаки прибывают в Уфу, откуда после мо-билизации 83-й пехотной дивизии 2 сентября выступают на фронт.

С момента прибытия на театр во-енных действий полк был подчинён

командованию 83-й пехотной дивизии генерал-майора К.Л. Гильчевского (сформированной из жителей Оренбургской и Уфимской губерний), потом поступил в распоряжение командира 18-го армейского корпуса генерала от кавалерии Н.Ф. фон Крузенштерна, впоследствии состоял в отряде генерала Воронина, и с февраля 1915 года был в составе 31-го армейского корпуса генерала от артиллерии П.И. Мищенко.

За 15 месяцев войны (с сентября 1914 до января 1916 года) сотни полка были разбиты по пехотным дивизиям и в таком виде в составе частей 18 и 31 армейских корпусов принимали участие во всех крупных и мелких боях при переправах через реки Сан и Вислу, под Краковом, на реках Нида и Западном Буге при отходе 31 корпуса от реки Ниды до реки Ясельды.¹¹

Полк нёс в это время разнообразную, трудную и «совершенно не видную» службу корпусной конницы, то есть разведку, прикрытие фронта корпуса во время наступления и отхода, службу связи, действуя почти постоянно мелкими частями, и в редких случаях в составе сотен. Кроме этой, чисто строевой службы, казаки откомандировывались иногда в значительном числе для несения обязанности тыловой или военно-полицейской службы, состояния при

Командир полка, войсковой старшина Лев Николаевич Доможиров

инженерах военных и гражданских, по контролированию дорог, при интендантах, лазаретах, обозах и т.д. Но за это время казаки в составе 4-х сотен (из 6) трижды вели разведку при фронте 31-го армейского корпуса, стоявшего на Западном Буге.

В 1916 году сотни полка, разбитые по пехотным дивизиям, принимали участие в позиционной войне и обороне реки Ясельды и Огинского канала. В пешем строю в составе пехотных боевых участков они несли сторожевую службу и обороняли наиболее самостоятельные участки.

Четыре сотни под командой командира полка держали с 20 мая до 21 июня 1916 года оборону северных позиций Огинского канала; с 4 июля по 23 августа позиции рек Стохода, Струмени и там же участвовали в боях и частичном форсировании реки Стохода.

24 августа полк выбыл из состава 31-го армейского корпуса в командировку в экспедиционный отряд генерал-лейтенанта Лаврентьева.¹²

В приказе № 131 от 23 августа 1916 года по 31-му армейскому корпусу его командир, прощаясь с оренбургскими казаками, указал:

«Со дня формирования корпуса

7-й Оренбургский казачий полк на построении, 1915 г.

в феврале 1915 года и по настоящий день 7-й Оренбургский казачий полк непрерывно нёс боевую службу. Он разделил с нами тяжёлую службу на р. Нида, тяжёлые бои на Опатове, на Западном Буге и при отходе к позициям р. Ясельды и Огинского канала. С корпусом полк пережил славный Логишинский бой, суровые зимние условия обороны Огинского канала и боя на реках Струмени и Припяти. Сотни полка, приданные дивизиям и штабу корпуса, обеспечивали в то же время связь частей на широком фронте.

От души благодарный командиру полка полковнику Доможирову, господам офицерам и доблестным казакам за их неизменную и безотказную службу, сердечно напутствую полк к высокой боевой деятельности и на новом месте его служения, твёрдо веря, что традиции славного Оренбургского казачьего полка и 2-летний боевой опыт полка поведут его по пути победы и славы. Под-

Заместитель командира полка Александр Степанович Горохов с офицерами 7-го Оренбургского казачьего полка, 1916 г.

писал командир корпуса, генерал-адъютант Мищенко».¹³

22 октября полк был отозван обратно в Закаспийскую область, где войдя в состав Гюреченского экспедиционного отряда, выступил в поход в Персию для усмирения мятежных иомудов.

С 3 декабря 1916-го и до начала 1917 года полк в полном составе участвовал в походах и боях с иомудами. Преследуя отряды мятежников по горам и урочищам в верховьях рек Артека и Сары-Су, полк находился в исключительно трудных условиях: без хлеба, фуража и воды. В этом походе полк потерял казаков: убитыми — 5, ранеными — 3; пало лошадей от бескормицы и усиленных передвижений — 47.

О событиях 1917 года, связанных с 7-м Оренбургским казачьим полком, сведений сохранилось немного. Известно, что летом 1917 года полк вместе с 3-й Кубанской казачьей дивизией был на Кавказском фронте.¹⁴ На августовском государственном совещании в Москве есаул 7-го полка А. Г. Нагаев, являясь делегатом фронтового съезда от семи казачьих войск Кавказского фронта, выступил оппонентом генералу А. М. Каледину.¹⁵

С начала войны до 01.01.1917 казаками полка было захвачено в плен 3 офицера и 84 солдата противника. Полковыми трофеями стали 74 винтовки, 30 лошадей. Казакам полка удалось подстрелить и захватить германский аэроплан с двумя лётчиками.¹⁶

Как удалось выяснить по полковым приказам о награждениях казаков, самолёт захватили: младший урядник Яков Иванович Воротников,

казаки Пётр Яковлевич Ситников, Николай Сергеевич Кутелёв, Василий Николаевич Волков и Пётр Филиппович Андреев.¹⁷ Произошло это так:

«4 мая 1915 года около 7 часов стоящий на посту летучей почты в д. Турбия младший урядник Воротников услышал шум приближающегося пропеллера, выбежав из хаты, он увидел низко летящий германский аэроплан. Скомандовал казакам «садись» и поскакал к спускающемуся аэроплану. Тот стал спускаться у северной окраины д. Заосы. Когда ... казаки подскакали, то аэроплан уже был окружён толпой, с которой лётчики разговаривали по-немецки. Заметив скачущих казаков, кто-то из толпы крикнул: «Казачья линия», и раздалось несколько одиночных выстрелов; лётчики-германцы вскочили на аэроплан и пустили в ход мотор. Толпа встретила казаков недружественно, и чтобы приблизиться к аэроплану, пришлось прибегнуть к оружию. Быстро надели казаки и не дали аэроплану подняться и взяли его в плен с двумя лётчиками германцами. Аэроплан захвачен в полной исправности».¹⁸

В боевых действиях потери полка составили: убитыми 2 офицера и 37 казаков, ранеными 2 офицера и 88 казаков, контужеными 1 офицер и 7 казаков, без вести пропали 3 казака.

Георгиевским оружием в 7-м Оренбургском казачьем полку были награждены 2 офицера: командир 3-й сотни подьесаул П. Г. Попов «за то, что 15 октября 1914 года, командуя сотней, у д. Слуцин под сильным ружейным огнём лично довел конную атаку на неприятеля до

удара холодным оружием и опрокинул его»,¹⁹ и сотник Р. П. Степанов: «15 октября 1914 года вызвавшись по собственному желанию командовать взводом, назначенным для преследования противника, несколько раз атаковал д. Слуцин, выбил его, действуя холодным оружием, сам ранен огнём пулемёта».²⁰

С начала войны до 01.01.1917 в 7-м полку было награждено Георгиевскими крестами 400 человек и Георгиевскими медалями 290 человек.²¹

Среди них казаки, удостоенные четырёх Георгиевских крестов: прапорщик Иван Алексеевич Грибанов из Богуславской станицы,²² и подхорунжий Иван Васильевич Орлов из Буранной станицы, по три креста имели урядники Корчагин Пётр, Кривохижин Георгий, Масленников Пётр, Мельников Степан, Недоводеев Александр, Павлов Василий, Пасценков Александр.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Оренбургская газета. 1914. № 158. 18 июля.

² ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1059. Л. 19 об. — 20.

³ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 142. Л. 227.

⁴ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 247. Л. 21—21 об.

⁵ ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 66. Л. 318.

⁶ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1 Д.3/1. Л. 42.

⁷ ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 66. Л. 320 об.

⁸ Оренбургская газета. 1914. № 166. 27 июля.

⁹ Оренбургская газета. 1914. № 172. 2 августа.

¹⁰ ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

¹¹ 7-й ОКП в составе 18 АК участвовал в последних боях Галицийской битвы и в Варшаво-Ивангородской операции.

¹² Кроме 7-го ОКП в отряд генерала Лаврентьева с фронта был отправлен 13-го ОКП и 3-я Оренбургская казачья батарея.

¹³ Приказ по ОКВ 697 от 17.10.1916

¹⁴ П. Н. Стрелянов (Калабухов). Казаки в Персии. 1909-1918. — М. 2007. С. 175.

¹⁵ Свободное слово солдата. 1917. № 118. 27 августа.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 87 об.

¹⁷ Казаки Кутелёв, Ситников, Волков и урядник Воротников были из Богуславской станицы, а казак Андреев их Татищевской. Казак Ситников был награждён Георгиевским крестом 3-й степени, а остальные четверо крестами 4-й степени.

¹⁸ Приказ по 7-му ОКП № 137 за 1915 г.

¹⁹ Высочайший приказ от 23.04.1915.

²⁰ Высочайший приказ от 02.06.1915.

²¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 87-92.

²² Прапорщик Грибанов погиб в конце 1916 года.